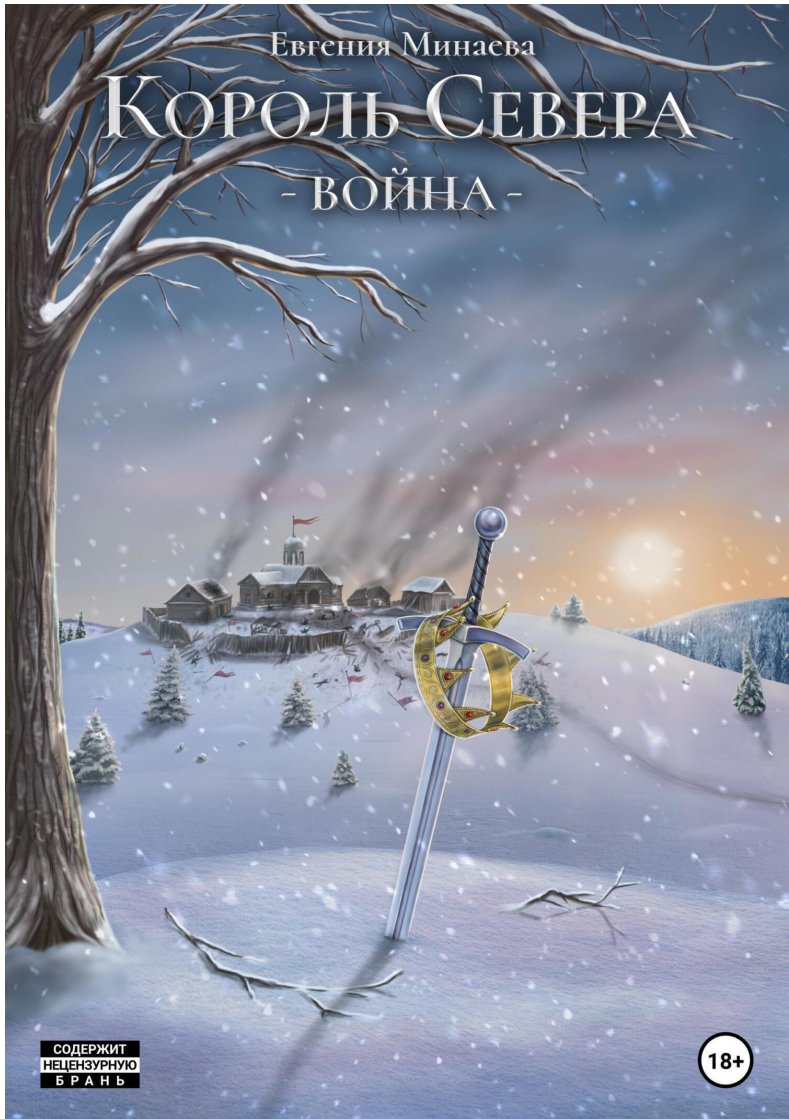

Евгения Минаева

КОРОЛЬ СЕВЕРА

- ВОЙНА -

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Евгения Минаева
Король Севера. Война
Серия «Король Севера», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67901060

SelfPub; 2023

Аннотация

Всего несколько месяцев прошло с тех пор, как в сражении за престол схлестнулись два претендента. Люди, как хворост, горят в костре их амбиций. Катятся по еще недавно благополучному королевству колеса войны. В северном замке собирает свой двор оставленная королем королева. В захолустном городке строят семейное счастье юная пленница и ее калека-муж. В темных лесах и на бескрайних равнинах служит богопротивные мессы Культ, и потусторонние монстры пробираются в мир людей. Все тяжелее тучи над королевством, все холоднее людские сердца. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Моэраль	5
Рейна	20
Линель	41
Фадрик	62
Илиен	79
Вардис	92
Моэраль	109
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Евгения Минаева

Король Севера. Война

Примерная карта Приречья и Центральных земель, составлена королевским картографом в 352 год от правления новой династии

Моэраль

Сражение началось перед рассветом.

Снег алел на заре, словно кровью помеченный. Тишина стояла над полем, где весной зеленели всходы, а осенью колосилась рожь. Молчали птицы, люди, само небо застыло в безмолвии. Только кони фыркали, предчувствуя тяжелую работу, и пар белесыми облачками вырывался из их ноздрей.

Одна армия железной змеей вытянулась вдоль жидкой березовой рощи, оставив за спиной деревню, покинутую жителями, но облюбованную войсками. Другая медлила, страшась выходить из леса: скачущие строем по узкой дороге рыцари не сразу соберутся в стальной кулак, кто знает, как противник использует минутное промедление? Войска северян скапливались на повороте тракта, ожидая приказа короля.

И тот не заставил себя ждать.

Моэраль понимал, что войску сложно перестроиться с марша в атакующий бросок, но ему не оставили выбора. Переправа заняла слишком много времени, и вассалы Сильверберна успели подготовиться. Теперь северному королю либо оставалось принять навязанный бой, либо уходить в чащу. Холдстейн понимал, что пускать конников через лес означает потерять армию. Оставалась битва.

Лучники, толку от которых в этом бою не было, рассеяв строй, скрылись среди обнаженных стволов. Сжимая в ла-

донях рукояти секир и топоров, древки коротких копий, на обочину сходила пехота. Конные рыцари, прикрываясь щитами, строились клином. Глядя, как неумолимо растягивается основная ударная сила войска, Моэраль злился. Будь у него в запасе хоть пол дня, они успели бы на луг раньше противника. И сейчас бы не они, а Сильвберновы вассалы опасно высовывали нос из кустов.

Хорошо хоть противник опередил их ненамного, иначе, не избежать засады.

Приречные лорды торопились использовать преимущество.

Заревел боевой рог. Двинулись вперед вражеские пехотинцы, опережая их, рванула к северянам конница. Моэраль поднял взгляд к стягу, полощемуся на пронизывающем ветру. Если все пойдет хорошо, скоро этот стяг воспарит над серебряными башнями Сильвхолла. О том, что в случае неудачи гордую птицу втопчут в грязь, а небесно-голубой простор ее обитания озарится всполохом пожара, Моэраль старался не думать.

– Играй наступление, – одними губами шепнул король герольду.

И затрубил второй рог.

Отливающей металлом стрелой полетела к вражеским рядам северная конница. На середине поля плотный рыцарский строй начал разворачиваться веером, и в этот самый миг лучники противника дали первый залп. Что и говорить,

они успели занять выгодную позицию: стрелы летели без риска ранить своих. Били по лошадям, но досталось и людям. Те из северян, кто не успел укрыться за щитами или решил сэкономить на доспехе, ломаными куклами обвисли в седлах. Несколько боевых коней, оставшись без седоков, помчались к лесу.

От своей позиции, у самой кромки опушки, Моэраль хорошо видел, как вражеские конники, сместившись к правому краю поля, стремились зайти в тыл к северным рыцарям. Расстояние между березовой рощей и развернувшимся веером северян было недостаточным для маневра, и рыцарям пришлось порядком потесниться. Поэтому залп лучников северного короля, неожиданно для противника последовавший с ветвей деревьев, оказался кстати.

Конечно, не все стрелки попали в цель – голые раскоряченные ветки, среди которых они засели, мешали прицелиться. И все же, даже комариный укус порой приносит пользу. Вражеские рыцари, опасаясь более организованной атаки, направили коней вглубь поля, ударяя северянам не в спину, а в бок.

Схлестнулись в схватке боевые кони, лязгнули мечи. Уже не разобрать было, где свои, где чужие, поэтому лучники Приречных земель принялись споро отходить за спины пехоты.

– Вперед, – командовал Моэраль, и плотный строй пехоты северян начал наступление.

Но пехотинцы противника оказались быстрее, и не успели войска Холдстейна полностью выйти на поле, как под топорами врагов уже падали северные рыцари.

Что на севере, что на юге, топоры и секиры – типичное оружие пехоты, которой не позволялось пользоваться мечами – были страшны в ближнем бою. Конник всегда опасается хорошего пехотинца. Безжалостные лезвия мгновенно перерубают сухожилия коня, и животное заваливается наземь, погребая под собой хозяина. Подойти и добить упавшего рыцаря проще, чем сражаться с ним. Иное дело, если конница атакует пехоту с разбегу. Тут уж единая лавина сминает жалкие человеческие фигурки, разбивает пехотный строй, и вот уже подкованные копыта ступают по изломанным телам. Поэтому и стараются в бою конники связать конников, не допустив врага до собственных латников. А латники вмешиваются в схватки рыцарей, нередко перерубая топорами ход битвы.

В этот раз пехота северян опоздала, не успев принять удар вражеских секир на себя, и над полем пронесся стон страдающих коней.

Моэраль грязно выругался – хорошо бы скомандовать отступление, чтоб конница перестроилась для нового удара, да куда там – завязнувшие в драке люди не смогут организованно отойти, а иначе получится бегство. Молодой король оглядел собственный отряд – два десятка отборных рыцарей, почувствовал, как в животе предательски екнуло, и отрывисто

приказал:

– За мной!

Похоже, лорды Приречных земель не ожидали, что Холдстейн примет личное участие в битве. Ничем иным, во всяком случае, Моэраль объяснить их растерянность не мог, ибо военачальники вражеской армии до последнего не отдавали пехоте приказа к перестроению. А потом стало поздно, и кулак северян, возглавляемый Моэралем, обойдя рассыпавшийся строй собственной пехоты, ударил в бок чужих пехотинцев, в мгновение смяв первые ряды.

Многие воины даже не успели обернуться, чтоб увидеть, откуда пришла смерть. Наседая на конников, бившихся впереди, они прозевали удар королевского отряда, и своего первого врага Моэраль убил тычком в шею. На удивление легко меч прошел под доспехи, и из оседающего тела вверх выплеснул фонтанчик крови. А Моэраль уже обернулся к следующему врагу.

Убивать оказалось на удивление легко. Не было ни тени мысли, что вот прямо здесь и сейчас обрывается чужая жизнь. Не было страха и омерзения, все чувства, казалось, отошли на второй план, оставив лишь горячку боя: где либо ты, либо тебя. До этого момента Моэраль много думал о том, тяжело ли дастся ему война. Оказалось – нет. Навыков хватало с лихвой, чтобы убивать и не быть убитым самому, а все остальное стало неважным. Он ощутил себя наемником, и даже почувствовал некоторое удовольствие.

Воодушевленные появлением на поле боя своего короля, северяне усилили напор. Многие рыцари принялись пробиваться к королевскому штандарту, одновременно защищая короля и уничтожая противника. Достигнувшая наконец места схватки пехота с гиканьем ввязалась в бой, собирая кровавую жатву. И тут сверху на толпу северян упали вражеские стрелы: подобравшиеся поближе приречные лучники не теряли времени даром.

Лучники в бою боятся вообще всех. Одетые в легкие латы, они становятся уязвимыми практически для любого оружия, будь то топор пехотинца или меч рыцаря. Быстрые, маневренные, они спасаются путем стремительного отступления, однако человеческие ноги все равно уступят скорости коня.

– Конница! Разворот направо, вперед! – рывкнул Моэраль, и, выдираясь из гущи битвы словно из топкого болота, собранный вокруг него костяк ринулся в атаку на вражеских стрелков.

Гаркнули вражеские командиры, но их подчиненные не нуждались в приказе – едва увидев несущуюся на них конницу, лучники развернулись и бросились к деревне. Началось преследование.

– Не дайте им скрыться в домах! – закричал Моэраль на пределе голосовых связок и подхлестнул коня.

Следом за ним несло десятка четыре конников, среди них юный Борсэ, старавшийся не отставать от своего короля. Убегавшие стрелки вдруг резко развернулись и дали сла-

женный залп. Моэраль скорее услышал, чем почувствовал, как по самому краю шлема чиркнула стрела. Еще одна ударилась в локоть, застряв среди пластин на суставе. Выругавшись в голос, Холдстейн обернулся назад – взглянуть на возможные потери. Конники все так же следовали за своим королем. Только конь молодого Борсэ теперь бежал в одиночестве.

Король еще раз дал шенкеля коню и настиг последнего из убежавших стрелков. Взмах меча, и под копыта валится расчеченное тело. А верный скакун уже топчет второго, и третий враг напрасно натягивает тетиву, стараясь продать жизнь подороже. Вновь падает лезвие меча, и отрубленная голова летит в истоптанный снег.

– Милорд! – Как сквозь вату Моэраль слышит голос лорда Эмунда Сольера. – Справа!

И точно, проваливаясь по бабки в подтаявшую грязь, со стороны деревни, стремясь разделить и захватить отряд Моэралья в клещи, скакало семь десятков человек. Предводитель отряда держал в руке хорошо знакомый щит – зеленая лягушка на черном фоне. Лорд Фисму – негласный глава Приречных лордов, – дождавшись, пока северный король окажется в уязвимом положении, поспешил нанести удар.

Моэраль скрипнул зубами. Отходить, проявляя трусость, ему не хотелось, но заговорил здравый смысл. Высок ли шанс выжить в схватке с превосходящими силами противника? А он – король, и его поражение будет поражением во всей вой-

не...

– Отходим! – выкрикнул он, и первый развернул коня.

Он не мальчишка, чтобы так рисковать, проявляя напрасную отвагу! Чего ожидал приречный лорд? Что Холдстейн дождется его и вяжется в бой? Не на того напали! А уже спустя минуту отряд короля севера, резко развернувшись, соединился с вырвавшимися из сечи конниками под предводительством лорда Эмунда Сольера, с ног до головы покрытого кровью, и уже перед лордом Фисму встал выбор: убегать или принимать бой.

Фисму выбрал второе.

Подбадривая себя героическими криками, размахивая мечами, его люди бросились на рыцарей короля севера. Два отряда схлестнулись, смешались люди и кони. Моэраль, остервенело рубя мечом, прорывался в центр схватки, где возносился к небу штандарт приречного лорда. Что-то чиркнуло по ноге, король резко дернул за повод, разворачивая коня. Напротив него на высоком вороном красавце, поигрывая мечом, гарцевал молодой мужчина в черном доспехе. На поднятом щите красовалась все та же зеленая лягушка. Младший брат владетельного Фисму? Племянник? Сын?

Моэралю не было дела до родства. Поудобней перехватив меч, он устремился навстречу врагу, но его опередили. Быстрый как смерч, мимо пронесся Эмунд Сольер, и лягушачий рыцарь откинулся назад. Из-под нагрудной пластины побежали тонкие ручейки крови.

Холдстейн не стал наблюдать за гибелью противника. Вновь развернув коня, он выискивал глазами вражеский штандарт, но напрасно. Разозленный, бесящийся при мысли, что Фисму мог удрать, король вертелся то вправо, то влево. Штандарта не было. И как-то слишком тихо для драки было вокруг...

Уже другими глазами Моэраль оглядел поле боя.

У края деревни недвижимыми точками лежали убитые лучники. Два штандарта приречных лордов – лорда Смони (кувшинка на зеленом) и лорда Роулда (рыба на голубом) – окружили северные пехотинцы. Врагов брали в плен. Жалкие кучки разбитой вражеской пехоты настигались в безуспешных попытках скрыться в лесу. Пленные рыцари со связанными за спиной руками с понурым видом стояли в стороне. А так долго высматриваемый штандарт лорда Фисму валялся в грязи, затоптанный копытами северных коней. Рядом, сжимая древко окровавленными руками, лежал сам владетельный лорд.

Битва была окончена. Моэраль одержал свою первую победу на чужой земле.

Разбитые войска приречных лордов отступали к ближайшему замку – родовой обители Смони, называемой Речной Приют. Вел войска сын лорда – шестнадцатилетний Риалан, чудом уцелевший в схватке. Вдогонку ушедшим Моэраль отправил Эстана Сольера – задачей лорда был захват замка

и подготовка к встрече армии. Понимая усталость людей, с трудом пересекших Муор и вырвавших у врага победу, Холдстейн не собирался торопить их, намереваясь дать время на отдых. Два дня заняли похороны убитых – людей не дело оставлять на потеху зверью. Благородных лордов, которым не посчастливилось пасть в первой же битве, в наспех сколоченных ящиках отправили домой. Таких, по счастью, было лишь двое: юный Борсэ и троюродный брат лорда Льеса. Рыцарей погибло несколько десятков, чуть больше – пехотинцев, лучники уцелели почти все – лишь единицам не повезло попасться под руку врагам, так что северное войско не понесло серьезных потерь. Кроме того, где-то там, на юге, на соединение с основными частями королевской армии шел Вардис, ведя за собой вассалов.

Его-то Моэраль и решил дожидаться, отдыхая в замке врага.

Северная армия шла по заснеженным дорогам. Речной Приют, подобно Иэралю, находился в месте скопления нескольких притоков Муора, берущих исток в лесных озерах. Должно быть, здесь было очень красиво летом. Хвойный лес, характерный для севера, тут уступал место лиственному, и густые ветви, покрытые темно-зеленой листвой, давали благословенную прохладу. Среди напитанных влагой мхов бежали ручейки, теряясь в сырых оврагах. В отсутствие людей пугливые олени выходили на водопой к кристально чистым окошкам родников. Ярко-рыжие белки, глумливо стре-

коча, кидались в случайного путника ореховой скорлупой.

Сейчас этот красивый, девственно чистый лес дремал под толщей снега. Вековые дубы грозили небу оголенными ветвями, гроздя оледенелой рябины кровавыми каплями сверкали на солнце. Подмерзшие сугробы испещрили звериные следы.

Вот тут бежал заяц, торопясь в теплую нору. А здесь прокралась лиса, быть может, выслеживая этого же зайца. Один раз передовой отряд нашел отпечатки лап, похожих на медвежьи. Не спалось зверю в берлоге.

Да и как тут спать? Тишины в лесу не было. Лязгали доспехи, ржали кони, говорили люди. По петляющей дороге войско подходило к небольшой крепости.

Ворота стояли отворенными, над надвратной башней висел обледенелый стяг Холдстейнов.

Встречать своего короля вышел преисполненный чувства выполненного долга Эстан Сольер. На плечах молодого лорда красовалась роскошная медвежья шуба, по всей видимости, позаимствованная из сундуков Смони. Завидев Моэраля, лорд поклонился.

– Рад приветствовать вас в Речном Приюте, Ваше Величество!

– Спасибо, Эстан. Как быстро захватили замок? Велики ли потери?

– За пару часов. Потерь практически нет. – Эстан взял коня короля под уздцы и повел во внутренний двор.

Моэраль кивнул. Речной Приют не выглядел местом, которое нужно долго осаждать: со всех сторон окруженный лесом, он был чрезвычайно неудобен для обороны. Под прикрытием стволов и кустов враг вплотную приближался к стенам, а тут уж в дело шли веревки и крючья. А Эстан продолжал:

– Лорд Риалан ранен, я даже не стал отправлять его в темницу, запер в его же покоях с лекарем. От Муора он смог увести немногих, кто-то скончался уже по дороге, так что оборона была слабой. Правда, от начальника стражи я слышал, что на подмогу Приречным лордам из Тавесты вышел какой-то отряд, но, судя по всему, с нами он решил не связываться, и в Приют не сунулся.

Моэраль только кивал. Услышанное не стало большой новостью, очевидно, что по всей стране собираются отряды: кто поддержать Холдстейна, кто – Сильвберна. По уму, Линелю следовало бы собрать всех лордов в одно войско, но на все нужно время, а его-то и не было. Вот и выступали поданные Сильвхолла по одиночке, надеясь задержать продвижение Моэраля вглубь страны, а то и вовсе разбить его армию.

– Лорда ранили при взятии замка?

– Вроде бы нет, Ваше Величество. Люди докладывают: он дурно чувствовал себя еще до осады.

– Видно, пострадал при битве. Молодец, мальчик, выносливый. Проводи-ка меня к нему. А сам размещай людей: мы

тут останемся надолго.

Пленного лорда действительно оставили в его же комнате. Моэраль зашел в нарочно затемненное помещение — больной плохо переносил солнечный свет — и поморщился. Насколько был терпелив лорд Риалан, он не знал, но вот в том, что полученную рану следовало лечить лучше, не сомневался: в теплом пропитанном ароматами трав воздухе витал запах гноя.

Молодой лорд лежал на постели, с ног до головы укутанный в одеяло, наружу торчало только бледное исхудавшее лицо да руки, все еще сохранявшие видимость силы, празднично лежащие вдоль тела. Светлые тонкие волосы разметались по подушке, широко распахнутые голубые глаза словно вот-вот готовы были заглянуть за грань. При виде узурпатора юный Риалан напрягся, попытался было приподняться, но добился лишь выступивших на лбу капель пота.

— Спокойно, милорд. — Моэраль попытался улыбнуться, но, судя по взгляду Смони, улыбка вышла холодной. — Как бы то ни было, я не враг вам.

— Скажите это оставшимся у Муора!

— Не стоит так кричать. — Моэраль сел у постели больного. — Сил у вас осталось не так уж и много, так стоит ли тратить их на крики? Я и так прекрасно знаю ваше мнение обо мне.

— Вы предатель, лорд Холдстейн.

— И кого же я предал, лорд Смони? Вас?

Лихорадочный румянец появился на щеках юноши.

– Короля!

Моэраль покачал головой.

– Опять кричите. Стоит ли?

Юноша молчал. Он и вправду был очень смелым и выносливым. Только очень уж молодым, очень. Моэраль и сам был молод, но все же не так... Лорд Смони в свои шестнадцать еще не понимал, что иногда приходится идти на компромиссы.

– Вы что-нибудь знаете о завещании Таера, Риалан?

Юноша покачал головой.

– Ну разумеется, – неприятно ухмыльнулся Холдстейн. – Детей можно заставить умирать за идеи отцов, но посвящать их в эти идеи необязательно. Это ваш родитель поддержал предателя, Риалан.

– Нет! – Смони побледнел еще больше, хотя, казалось, бледнее быть было уже нельзя. – Вы... вы...

– Лжете? Это то, что вы хотели сказать, лорд Смони? То, что я лгу? Бросьте, не нужно отворачиваться. Не думаете же вы, что я, лорд-наместник, претендент на престол – раз уж вы не желаете признать меня королем, – рыцарь, в конце концов, убью больного из-за неосторожного слова? Только не кажется ли вам, Риалан, что, учитывая вышеперечисленное, несколько... непочтительно, что ли, обвинять меня во лжи?

– Я говорю вам, что думаю, милорд. Можете казнить меня, я от своих слов не откажусь.

– Мне достаточно смерти вашего отца, – холодно ответил Моэраль. – Ваше заблуждение простительно: вы ничего не знаете о завещании Таера, по которому он оставил корону мне. Ваш отец знал. И поэтому именно он предатель, а не я. Я хорошо отношусь к вам, Риалан, вы смелый человек и сделали все от вас зависящее, чтобы уберечь свои земли и своих людей – пусть даже не получилось. И я не буду казнить вас за грехи отца. Но запомните: врага я за спиной также не оставляю. Сильвберн – узурпатор, и наказание за помощь ему – смерть. Даже если вам суждено поправиться, вы все равно умрете, Риалан, если не признаете мою правоту. Так что думайте, милорд. Думайте.

И, оставив молодого лорда пребывать в размышлениях, Моэраль вышел из комнаты.

Рейна

Цвета лета – зеленый, синий, ярко-голубой. Ярко-голубое – небо, синяя – вода, зеленое – трава, деревья, кусты. Яркие кроны, напоенные жизнью, контрастируют по цвету с насыщенно-коричневыми стволами, с темными ветвями, переходящими в черное. Яркими пятнышками, желтыми, красными, раскиданы по полю цветы.

По небу плывут облака, больше похожие на взбитые сливки: такие в далеком детстве, еще в Клыке, Рейне на завтрак давала кухарка. Эти сливки были, пожалуй, одним из самых приятных ее воспоминаний.

Рейна взглянула в окно и вздохнула. Хмурая зима, короткий день, уже стремящийся к вечеру, так отличался от иллюстрации к книге, лежащей у нее на коленях.

Рейна задумалась. Со дня свадьбы прошло уже больше двух недель, но она все никак не могла привыкнуть к тому, что теперь замужем. Она все так же оставалась пленницей, только сменила прежние, весьма скромные покои, на более роскошные – приличествующие жене лорда Молдлейта. Смотрела на мир через широченное, по краям все в цветных стеклах окно, ходила по мраморным полам, надраенным до блеска, спала на широкой кровати под бархатным балдахином. Спала не одна, и к этому привыкнуть было еще сложнее.

Рейна тяжело вздохнула, и в этот же момент в дверь по-

стучали. На пороге возникла молоденькая служанка – совсем девочка, судя по виду нет и четырнадцати.

– Ваша милость, вас зовет королева.

Сердце в груди трепыхнулось и затихло, осталось лишь неприятное предчувствие. Рейна поднялась, с сожалением отложила книгу и пошла следом за служанкой.

Путь до покоев ее величества занял совсем немного времени – комнаты леди Молдлейт находились гораздо ближе к комнатам Селиссы, нежели комнаты леди Артейн. И мог бы занять еще меньше, если б не постоянные вынужденные расшаркивания со встреченной по дороге знатью. Рейна отвечала на приветствия с холодным выражением лица: несмотря на приторно-сладкие улыбки, она прекрасно знала истинное отношение к ней двора Линеля.

У самой двери, за которой ждала королева, Рейна столкнулась с Эмилией Уэсс. Та улыбнулась заученной улыбкой, но, отойдя на пару шагов, прыснула, неумело замаскировав смех под кашель. Рейна и виду не подавала, что заметила оплошность леди Уэсс – еще бы, как Эмилиии не смеяться над женой калеки. Ей-то достанется приличный муж!

Королева была одна. Ее величество вышивала. На гобеле-не в ее руках золотилась осень.

– Ваше Величество.

– Леди Молдлейт. – Селисса улыбнулась, но улыбка не коснулась глаз, они остались все такими же: горящими предвкушением предстоящей пакости. – Присаживайтесь.

Рейна села на предложенную скамеечку, отметив, что это сидение было гораздо ниже королевского. На Селиссу ей приходилось смотреть снизу вверх, и королеву это, похоже, вполне устраивало.

– Как ваши дела, Рейна? Вы довольны замужеством?

– Спасибо, Ваше Величество, вполне.

– Вполне?! – Селисса изумленно изогнула бровь. – О, со мной можете быть честной! Я сотни раз говорила моему возлюбленному супругу, что такую нежную красавицу как вы нельзя отдавать за это... это чудовище, этого урод! Ох, простите меня, леди Артейн, я забываюсь, что говорю о вашем муже...

Королева изобразила сочувствие на лице, протянула руку и похлопала Рейну по плечу.

– Простите, моя милая, но я так переживаю за вас.

– Благодарю, Ваша милость.

– Не стоит! О, мне так жаль вас! Скажите, он по крайней мере не жесток? Знаете, обиженные жизнью люди так часто бывают грубы...

– Лорд Фадрик вежлив со мной. Я благодарна богам за такого мужа, – ответила Рейна, с удовольствием отмечая, как хищное выражение, появившееся было на лице королевы, на миг сменилось на разочарованное. Но – только на миг.

– О, милая, я никогда не поверю вам. Подумать только, лечь в постель к такому человеку...

Рейна слушала причитания Селиссы и молила богов, что-

бы негодование, так и плещущее внутри, не вырвалось наружу. Как может эта женщина, наглая, вульгарная, лживая насквозь, так говорить о ее муже?! Об этом славном, добром человеке, ни словом, ни делом ни разу не упрекнувшем Рейну ни в чем! Об этом юном мужчине, всю жизнь переносившем насмешки, но не озлобившемся...

— О, я только подумаю о его горбе... Леди Уэсс, она была у меня и тоже так переживала за вас, бедняжка! Так прямо и сказала: «Я б лучше умерла, чем за такого вышла замуж!»

«Ну, Эмилия, — подумала Рейна. — Уж я тебе отплачу, лишь бы случай подвернулся».

А королева все болтала:

— Уж я просила-просила его величество, но вы же знаете мужчин! Все было бесполезно. Он все говорит о древности и благородстве рода Молдлейт, какая это хорошая партия для вас. Молдлейты преданы, очень преданы моему супругу, леди Артейн... Ох, Молдлейт! Милая, я все забываю, горе какое, что вы теперь Молдлейт! Ваш супруг верен роду Сильвберн. А вы? Вы тоже верны, Рейна?

И королева глазами, будто зубами, впиалась в свою подданную.

— Конечно, Ваше Величество, — ответила Рейна, а про себя подумала: «Скитаться вам вечно по вересковым пустошам».

— Приятно это слышать. Ведь вы не только Молдлейт. Вы владеете Клыком Свирепого, ваш муж, ваши дети будут сидеть в кресле лорда-наместника. Правда, это затруднитель-

но сейчас. – Взгляд королевы стал еще более пристальным. – Ведь Артейн теперь под Холдстейном.

Селисса замолчала.

– Это так, Ваше Величество, – пробормотала Рейна, понимая, что от нее ожидают ответа, но пока неизвестно, какого.

– Еще бы! Ваш дядя, леди Молдлейт, был мятежником! И после его смерти ничего не изменилось. Его войска так же идут за королем севера. Ваши войска, Рейна!

– Вот именно! – прозвучал от двери голос, хорошо знакомый Рейне голос, и такой ненавистный! – Лорд Молдлейт – наш верный и преданный союзник. А вот его жена, по всей видимости, нет.

Линель Сильвберн прошел через всю комнату, встал у кресла Селиссы, ласково, демонстративно погладил плечо жены, его рука скользнула по ее спине, как нарочно для этого – обнаженной. Рейна, словно прикованная к своей низенькой скамеечке, обреченно смотрела на его узкое бледное лицо, чисто, аж до синевы, выбритое; его черные, совсем как у Моэраля, но только не прямые, а волнистые волосы; его черные, совсем не Моэралевы глаза, глядевшие на нее с такой неприязнью; на шрам на виске, наливавшийся алым.

– Вы прекрасно выглядите, леди Молдлейт, – сказал король.

– Спасибо, Ваше Величество, – прошептала Рейна.

На ней было бархатное платье темно-серого, практически стального цвета, украшенное жемчугом, которое ей весьма

шло. Но в сравнении с королевой, облаченной в золотистый наряд, она смотрелась унылым воробышком. Так что комплимент был весьма сомнителен.

– Замужество идет вам на пользу.

– Я говорила ее величеству, я благодарна за такого супруга, как лорд Фадрик.

– Приятно это слышать. Молдлейты – род, ни в чем не уступающий вашему собственному, леди... Молдлейт. Разве что... в верности.

Рейна побледнела. Сердце чуяло – от этого разговора не будет ничего хорошего, а король, глядевший на девушку такими же жестокими глазами, как до этого его королева, продолжал:

– Моя любовь уже сказала вам: после гибели лорда Ластара войска Артейна последовали за Холдстейном. Вы считаете это правильным, леди Молдлейт? Считаете правильным, что... эээ... люди жены нашего союзника идут против законного короля?

«Это Моэраль – законный король, а не ты!» – хотелось закричать Рейне, но она ответила:

– Нет.

– Так почему же это происходит? А, леди Молдлейт?

– Я не властна над этими людьми, ваша милость... я в столице, а они так далеко... Их ведет дядин приказ, не мой.

– Безусловно, – криво ухмыльнулся Линель. – Не ваш. Но Клык Свирепого – ваш, и люди Клыка – тоже ваши. И вы,

будучи столь же верной престолу, как и ваш муж, отзовете их. Не так ли?

– Разумеется, ваше величество, – одними губами произнесла Рейна. Она вновь, как до свадьбы, чувствовала себя не более чем мышью.

– Тогда пишите! – Король пинком подтолкнул к девушке письменный столик, стоявший неподалеку. Чернильница на нем качнулась, темная капля выплеснулась на бумагу, лежащую подле. – Пишите, леди Молдлейт...

– Ваше Величество...

– Пишите, я сказал! «Всем вассалам Артейна. Я, леди Рейна Молдлейт, урожденная Артейн, законная наследница усопшего лорда Ластара Артейна, пребывая в вечной верности королю моему, Линелю Сильвберну, единственному законному повелителю нашей земли, отрицая над собой иную власть, кроме божьей, с негодованием отворачиваясь от узурпатора Моэраля Холдстейна, именуемого также королем севера, сим приказом велю...»

И Рейна писала дрожащей рукой, чувствуя на себе два жестких взгляда, писала, приказывая своим войскам обратиться оружием против Моэраля, перейти на сторону ненавистного Сильвберна, а в голове билось: «Ты за это ответишь. Вы все за это ответите». И эта мысль придавала ей сил, а также мысль о том, что они поймут, должны понять, что у нее не было выбора, что ее принудили... Это приносило небольшое облегчение, которое прошло, когда она, закончив пер-

вый приказ, увидела перед собой новый лист бумаги.

– Одного экземпляра маловато, леди, – сказал Линель.
Рейна вновь взялась за перо.

Из королевских покоев она возвращалась опустошенной. Слезы, так и не пролитые слезы злости и бессилия, жгли глаза. Простят ли ее северяне? Простят ли дядя с отцом?

А Моэраль? О том, как любимый воспримет ее предательство, было страшно думать.

– Леди Молдлейт! Какая приятная встреча!

Рейна резко обернулась. Позади, возле спуска на узкую лестницу, ведущую на первый этаж, стоял Райсен Огден. Рейна не раз видела его в коридорах дворца и кое-что знала о лорде понаслышке. Среди придворных лорд-советник слыл человеком незамысловатым. Да и в самом деле, Райсен больше был похож на торгаша, чем на королевского советника: невысокий, коренастый, полноватый, с небольшим брюшком, на котором Огден имел привычку благообразно складывать руки; он лучше смотрелся бы в одежде простолюдина, чем в богато вышитом камзоле.

– Милорд. – Рейна поспешно присела.

– Вы прямо расцвели, миледи! – Райсен сально подмигнул. – Я всегда говорил, что лучшее место для женщины – замужем.

– Я счастлива, милорд.

– Это хорошо, Фадрик добрый мальчик. И умный. Вы за-

метили?

– Да, – сказала Рейна. Хотя проверить ум мужа у нее пока не было случая.

– Ему с вами повезло. – Огден начал улыбаться, причем, не только ртом, как делали до этого король и королева. Смех, казалось, плескался в его глазах, каждая морщинка на его лице говорила о смехе. – Конечно, статью не вышел, но что уж тут. А вы от королевы?

– Да, – ответила Рейна, и воспоминание о пережитом унижении заставило ее голос дрогнуть.

– Вы плакали, миледи? Или собираетесь заплакать? Что произошло?

– Ничего такого, о чем стоило бы говорить, милорд.

– В самом деле? Не кажется ли вам, что ее величество Селисса порой может быть весьма... жестокой?

– Кто я такая, чтобы обсуждать ее милость? – прошептала Рейна. Вновь появилось ощущение, что она всего лишь мышь, мышь, увлекаемая в ловушку.

– Ну разумеется. – Огден рассмеялся, вновь представ простоватым, недалеким мужиком. – Кто мы такие, чтобы обсуждать королевскую семью?! Но как она вам? Хороша, да?

– Настоящая красавица, – признала Рейна.

– Да, – ухмыльнулся Райсен. – Красавица. Очень-очень яркая женщина.

Лорд-советник снова подмигнул и, обогнув Рейну, посвистывая направился прочь.

А Рейне стало дурно.

Чего хотел от нее этот человек, столько раз просто проходивший мимо, а теперь решивший заговорить? Не сказала ли она чего лишнего? И как будет расценено то, что сказала?

Рейна прислонилась горящим лбом к стене и вздрогнула, когда в коридоре позади послышался топот.

Не желая, чтобы кто-нибудь видел ее в столь подавленном состоянии, Рейна отпрянула от холодных камней и поспешила вниз по лестнице. Но не успела пройти и пару ступенек, как услышала шаги поднимавшегося навстречу.

Рейна застыла, стараясь принять спокойный вид. Ей так не хотелось, чтобы по дворцу разлетелись новые сплетни. Это почти удалось – когда перед ней возник Хортен Борсенгьон, он увидел перед собой все ту же холодную северянку.

– Леди Артейн?

– Молдлейт, с вашего позволения, милорд.

– О, ну разумеется. – Перрье сделал вид, что невольно допустил ошибку, но готов исправиться. – Привычка, миледи, привычка. Как вы?

Этот вопрос, вроде бы совсем обыкновенный, но заданный таким теплым, участливым тоном, вновь вызвал у Рейны слезы. Чувствуя, что теплая влага вот-вот потечет по щекам, девушка торопливо отвернулась.

– Леди? Леди, что с вами? – Рейна ощутила теплую руку на своем плече. – Что случилось? Я вас чем-то расстроил? Тем, что упомянул вашего мужа?

Рейна только покачала головой.

– Так что с вами? Лорд Молдлейт...

– Да почему вы все говорите о лорде Фадрике? – не выдержав, всхлипнула наконец Рейна. – Разве мое горе в нем?! Разве он чудовище?!

– Ре...

– Он добрый, отзывчивый, внимательный человек! Так может хватит считать его монстром и сочувствовать мне?

Напуганный истерикой Перрье отступил на шаг. Но его пальцы, тонкие, изящные, теплые пальцы умелого фехтовальщика и музыканта, все еще касались ее плеча. И это прикосновение успокаивало.

– Леди Молдлейт, я ни в коей мере не желал оскорбить вашего супруга. Просто поймите, очень сложно поверить, что вы счастливы в этом браке.

– Потому что мой муж – урод?!

– Потому что вы любите другого.

Резкая боль в груди, последовавшая после этих слов, заставила Рейну пошатнуться, но лорд схватил ее под локоть, не давая упасть. Тихо, словно ведя беседу с ребенком, Хортен Борсенгьон заговорил:

– Я кое-что знаю о вас и Моэрале, Рейна, немного больше, чем вы полагаете, и могу лишь догадываться, что вы должны чувствовать. Мне жаль: жаль вас, жаль его, безумно жаль, что он выбрал путь, сделавший – без сомнения – вас обоих несчастными. Мне жаль вашего мужа, потому что вер-

ность долгу не всегда то, что хочется получать от жены. И мне очень печально, что сегодня довелось вызвать ваши слезы.

– Вы не виноваты. – Рейна вытерла глаза рукавом. – Просто я шла от королевы, и у нее мне пришлось несладко.

– Селисса чем-то оскорбила вас?

– Оскорбила? Нет! Разве вы, вы – член королевского совета – не знаете? Не знаете, что меня вынудили приказать моим вассалам оставить Холдстейна?

Перрье вздрогнул.

– Что вы говорите?

– Именно то, что вы слышали. Я написала указ, да еще и в нескольких экземплярах, в котором признала своим королем Линеля Сильвберна!

– А разве Линель не ваш король?

Рейну будто ледяной водой окатило. Как можно было так забыть, и перед кем! Она осторожно освободилась от руки, все еще удерживающей ее, и ответила:

– Ну разумеется. Нет иного короля, кроме Линеля.

– Но вы не желали писать приказ?

– Не под принуждением, да еще и таким сильным.

– Король мудро поступил, – словно говоря сам с собой, промолвил Перрье. – Несколько экземпляров, это очень мудро. Какие-то можно отправить с голубиной почтой, какие-то с гонцами... сколько вы написали приказов, леди Молдлейт?

– Пять, – холодно ответила Рейна.

– Король в самом деле умен! Не сомневаюсь, он поставит нас в известность об этом на следующем же совете. А вы зря расстраиваетесь, леди. Сейчас самое время показать верность своему королю.

– Я это уже поняла, – процедила Рейна сквозь зубы, натянуто улыбнулась лорду и, обойдя его по настолько широкой дуге, насколько позволила лестница, медленно пошла вниз. Симпатия, возникшая у нее к Перрье со дня свадьбы, угасла.

Фадрику о произошедшем она рассказала не сразу. Он, отдавший верность Линелю, не понял бы ее в полной мере.

И тем не менее, муж был недоволен грубостью по отношению к его жене.

Рейна испытывала благодарность и за это. Пожалуй, в Сильвхолле Фадрик был единственным, для кого она оставалась человеком, а не орудием в политической игре. Его мягкость, вежливость, осторожность – во всем, не только в словах – заставляли Рейну ощущать себя непривычно. Принцессой из хрусталя.

Неизменную вежливость проявлял он и в постели, и, возможно, именно благодаря этой вежливости, Рейна без возражений пускала его туда каждую ночь, точнее – каждую ночь, когда он считал возможным прийти.

Это всегда начиналось одинаково. Сначала, отправляясь спать, он мягко пожимал ей руку, словно давая обещание, и Рейна настраивала себя на близость. Целые бури происходили в ее душе, но внешне она всегда оставалась спокойной

и ласково улыбалась мужу, когда он входил в спальню с застенчивой робостью, со страхом ожидания в глазах. А ну как на этот раз она оттолкнет его, увидев, наконец, кто ложится в ее постель.

Но Рейна не отталкивала. Решившись один раз вопреки всему приобрести хотя бы некоторое подобие счастья, она шла к цели с упорством битюга, подавляя себя постоянно, ежедневно. Училась любить мужа, училась быть хорошей женой. Училась заниматься любовью с широко открытыми глазами, училась не сравнивать двух мужчин, в разное время имевших право на ее тело.

Разумеется, все происходящее между ней и супругом темными ночами, не приносило ни малейшего удовольствия. Но и отвращения тоже не приносило.

В остальном Фадрик был так же деликатен. Например, он никогда не заходил в ее покои без предупреждения. Рейна считала это его способом защиты. Она понимала, что весьма не многие люди могли прятать выражение неприятия на лице, внезапно увидев юного лорда Молдлейта. Все это – его ранимость, его стремление создать вокруг себя оболочку, защищающую от остального мира, отношение к нему людей заставляло Рейну испытывать жалость. И, скорее всего, именно это чувство в конечном счете вызвало в ней уважение к нему – первый камешек в фундаменте их отношений.

Отношений, которым много еще чего предстояло перенести.

Тем утром Рейна сидела одна в комнате мужа, совмещавшей в себе и спальню, и кабинет. Лишенная общества людей, общаться с которыми у нее не было ни малейшего желания, все свои дни Рейна отдавала чтению.

Глубокое мягкое кресло, специально заказанное Фадриком для своего комфорта, бережно приняло в себя ее маленькую хрупкую фигурку, большой оплетенный кожей фолиант удобно угнездился на ручке. Свет, падавший из окна, создавал в комнате ощущение уюта и тепла. Рейна задремала.

Разбудил ее дверной скрип. Рейна вздрогнула, непрочитанный фолиант с гулким звуком упал на пол.

– Так-так, что это мы тут делаем? Читаем?! – Брови стоявшего на пороге Линнфреда взметнулись ко лбу.

– Добрый день, милорд, – пробормотала не вполне пришедшая в себя от сна Рейна. – Вам нужен Фадрик? Его тут нет...

– Это я вижу, – хохотнул Линнфред и сделал шаг в комнату. Дверь громко захлопнулась за ним, заставив Рейну вздрогнуть еще раз. – А Фадрик позволяет тебе в его отсутствие бывать в кабинете?

– Милорд добр ко мне.

– Добр... Конечно. – Мужчина подошел еще ближе, и Рейна вместе с тяжелой вонью немытого мужского тела ощутила исходящий от него запах опасности. Внутреннее она вся напряглась, моля богов, чтобы сейчас, вот прямо сейчас, кто-

нибудь еще зашел в эту комнату, такую тесную для них двоих, кто-нибудь, ну хоть кто-нибудь... — Как не быть добрым с такой кошечкой. А ты, ты добра с ним, а?

Будь Рейна той неопытной девочкой, что когда-то покинула стены Холдстейна, имея за душой кусок хлеба да кобылу, она бы смутилась. Но она уже давно утратила ту душевную невинность, что излилась бы на щеки краской смущения. Она прямо встретила испытующий взгляд брата своего мужа.

— Почему вас так это интересует, милорд?

Линнфред не смог скрыть своего изумления:

— О, а ты, оказывается, с характером! Ничего себе! Жаль Фадрика, не сможет он тебя укротить... А вот Холдстейн мог, правда, леди?

Рейна только насмешливо улыбнулась. Никогда, никогда им больше не заставить ее плакать! Пусть не думают, что могут задеть ее своими оскорблениями, им, этим скотам, она не покажет своей слабости!

— Усмехаешься. — Линнфред медленно, нарочито медленно обвел всю ее фигуру плотоядным взглядом. — Правильно... Что может дать такой женщине мой младший братец? Ты хоть чувствуешь что-то, когда он лежит на тебе, жалко дергаясь? Право, он вообще ходит в твою спальню или только трогательно держит тебя за ручку?

Рейна нарочито изящным жестом подняла с пола упавшую книгу и встала с кресла, положив фолиант на сидение.

Брат ее мужа возвышался над ней исполинской колонной, но она вновь хладнокровно выдержала его взгляд.

– Не смейте так говорить о моем муже, милорд!

И тут же поняла, какую совершила ошибку.

– Не смей орать на меня, ты, северная шлюха! – Крепкая пахнувшая лошадью рука схватила ее за волосы, впрочем, не причинив особенной боли, и Рейна оказалась с Линнфредом лицом к лицу. – Крутить собой я тебе не позволю, как ты крутишь своим жалким калеккой-мужем! Знаешь... – Взгляд Линнфреда приобрел иное, уже не злое, но еще более пугающее выражение. – Тебя, пожалуй, пора привести в чувство. Возможно, настоящий мужик заставит тебя вспомнить, кто ты такая есть, – и с этими словами он отпустил ее волосы, вместо этого схватив обеими руками за грудь.

И Рейна на миг потеряла связь с реальностью. «Сука, ты сука!» – зазвучал в ее ушах истеричный голос, и она на несколько мгновений почувствовала отвратительную тяжесть, навалившуюся сверху. Она была уже не в королевском замке, а в лесу, ночном заснеженном лесу, и по ее телу вновь бродили руки – руки насильника.

А потом она, как вживую, увидела перед собой Иогара Даттса. И обломанную ветку, черную от пропитавшей ее крови, торчащую из его живота.

И в этот самый миг ее рассудок превратился в лед, и Линнфред, только что лапавший ее грудь, отшатнулся прочь, должно быть что-то разглядев в ее лице. Что-то такое, что

сильно его испугало.

А Рейна сделал шаг ему навстречу и медленно, очень тихо произнесла, приблизив свое лицо к его настолько близко, что ощутила запах лука, идущий у него изо рта:

– Еще раз тронешь меня, тварь, и я пройду по твоей могиле.

С силой толкнув Линнфреда, так что он невольно сделал шаг назад, запнувшись по пути о собственные ноги, она спокойно вышла из комнаты.

И только в собственной спальне, придя наконец в себя, дала волю слезам.

В этот день Фадрик пришел домой поздно, но жена в ожидании сидела у камина, и остывший ужин нетронутым стоял на столе. Виноватое выражение немедленно появилось на его лице, но оно быстро сменилось на изумленное, когда Рейна, стремительно вскочив, бросилась к нему и упала на колени.

– Рейна, это...

– Он душит меня. Этот город душит меня, я пленница тут, я словно в клетке. – Речь ее была сбивчивой, и ему пришлось наклониться ближе, чтобы расслышать все, что она говорила. – Я больше не могу, мои силы на исходе. Пожалуйста, прошу тебя, все будет так, как ты хочешь, только увези, увези меня отсюда.

Фадрик попытался поднять ее, но Рейна кулем обвисала на его руках. Он немного напрягся, проклиная свою телесную слабость, и вздрогнул от боли, пронзившей спину. Рей-

на немедленно вскочила, и от этого он ощутил себя еще более жалким, чем обычно.

– Рейна, что случилось?

– Ничего. Ничего не случилось, – быстро ответила она, и он понял: лучше не настаивать.

– Давай поговорим.

Они вместе прошли к столу, и она сама налила ему вина. Выглянувшая было из-за гобелена служанка была отослана прочь.

Рейна нервно крутила свой наполовину полный бокал в руке, кусая губы. Было видно: эта эмоциональная вспышка, оставшаяся без ответа, обессилила ее. Фадрик, испытывая желание погладить жену по волосам, как погладил бы расстроенного ребенка, спросил:

– Тебе со мной плохо?

Она вскинула на него взгляд сухих, но лихорадочно блестящих глаз. Отрывисто, резко прозвучал ее ответ.

– Нет.

А потом, уже мягче:

– Мне плохо в Сильвхолле. Здесь меня ненавидят, хотя, видят боги, причина одна, и я в ней не виновна. Я задыхаюсь здесь.

Фадрик ее понимал. Он и сам чувствовал гнетущую атмосферу столицы. Города, в котором нельзя быть слабым. Чувствовал с самого рождения. Он посмотрел на жену. Она была расстроена и бледна. А для него важно, очень важно было,

чтобы она по крайней мере не страдала.

А он? Разве он сам был счастлив здесь? Здесь, где он был не более, чем калекой, невезучим сыном благородного лорда? Рейна – вот единственная, кто принял его со всеми недостатками без единого слова, и он, все не желавший поверить в свое счастье, теперь видел ее боль. А ей было хуже, чем ему.

– Ты ненавидишь меня? – неожиданно для самого себя робко спросил он, в страхе ожидая ответа, но она лишь покачала головой. А потом произнесла:

– Ты ни в чем не виноват. Мы оба ни в чем не виноваты. Помнишь, что я сказала тебе тогда, в день нашей свадьбы? Я твердо намерена сохранить то, что осталось от моей жизни. Пусть все они подавятся, а я буду счастливой... насколько смогу.

И, словно желая немного сгладить свою откровенность, добавила:

– Ты хороший человек, Фадрик.

И в этот момент он понял, что любит ее, что, несмотря ни на что, он влюбился в нее в ту самую первую брачную ночь, и нет ничего важнее для него, чем их отношения, их брак.

Рейна с затаенной надеждой следила за тем, как меняется выражение глаз ее мужа. Ей было страшно: впервые за все время, что она была замужем, она о чем-то попросила и боялась, что он откажет, а потом еще и посмеется и скажет что-то вроде того, что сказал его брат. Чтобы не дергалась и зна-

ла свое место. Но вместо этого Фадрик обратился к ней просветлевшее лицо, одним залпом выпил вино, плескавшееся в бокале, и провозгласил:

– Прощай, Сильвхолл! Молдлейты едут во Фрисм!

Линель

Его задница, судя по ощущениям, была сбита до кости. А то и еще глубже.

Ноги замерзли, хотя на качество своих сапог он раньше не жаловался. Руки не отставали от ног, но ими он, по крайней мере, мог шевелить свободно – их-то стремяна не сдерживали. За три дня пути Линель успел обморозить кончик носа, и тот теперь чесался и шелушился.

Ох, если б это осталось большей из его проблем!

Приречные лорды разбиты.

Гонец прибыл вместе с рассветом, и Сильвхолл наполнился слухами, удержать которые в стенах замка не получилось бы и у самих богов.

Мрачным было то заседание Королевского совета. Лорд Уолдер – бледный, только желваки играют на щеках – угрюмо молчал. Соблюдал тишину Хортен Борсенгьон – лорд Перрье только поглядывал то на одного, то на другого советника, да жевал ус. В огромном зале, увешанном гобеленами и картинами, с высокими потолками и мраморным полом, с длинным столом из мореного дуба, было слышно, как пролетает муха. Было бы слышно – мухи умнее людей, и холодными зимами не летают.

Напряженность в воздухе готовилась вспыхнуть пламенем и вспыхнула, когда лорд Эринн наконец не выдержал:

– Лорд Фисму – вот кто вина всему! Ему следовало войти в Каллье и держать оборону замка, а не шляться невесть где, ждать, пока разгромят союзника, а после изображать из себя героя! Гонец сказал – их разбили как детей! Расшвыряли как котят!

– Утопили как щенят, раздавили как червей... – скучающе вставил лорд Бриенн, и Линель порадовался, что сам не начал обсуждение разгрома. – Это все слова, слова... Важно то, что Холдстейн громит наших союзников одного за другим, а наши основные войска настолько далеко, что ничем не могут помочь. Досадно, милорды. Сначала Кантор... А ведь было достаточно помочь лорду Эрею, и мы бы вырвали у змеи ядовитый зуб. Потом Калье... Но тут уже вина союзников, не обеспечивших Ансельму поддержки. Теперь Приречье.

– Мне показалось, или вы в чем-то упрекаете нас, милорд? Бриенн вздрогнул – такой лед прозвучал в голосе Молдлейта. Обсуждение мгновенно закончилось. Лорд-председатель обвел присутствовавших тяжелым взглядом, обойдя вниманием лишь короля.

– У нас есть проблема, – веско промолвил лорд, – и с этим ничего не поделать. Все, что могло произойти, уже произошло. Холдстейн перешел Муор, и это – факт. Его поддерживает весь север, несмотря на гибель Артейна, несмотря на казнь Каллье. И неизвестно, как поведут себя другие лорды, когда нога короля севера ступит на их земли.

– Как они себя поведут, как поведут, – злобно пробормотал Эринн, – известно, как они себя поведут. Как ведет себя бродячая собака в чужой стае? Либо подчиняется, либо идет на мясо!

Лорды кивнули как один, словно сговорившись.

– А где сейчас наши войска? – скучающим тоном спросил Огден Райсен.

– Пару дней назад покинули королевские земли, – ответил Бриенн.

Линель мысленно застонал, да не он один. Этот богами проклятый Холдстейн побеждал их союзников, а все, что они могли ему противопоставить – посылаемые в воздух проклятья!

Ошибки, ошибки, везде одни ошибки. Громоздились одна на другую, нависали над головой, как готовый обрушиться свод. Он ведь все, все делал правильно: привлекал союзников, собрал войско, давал именно те указания, которые требовала ситуация... Ничего не получалось – все выходило из-под контроля, и проклятый Холдстейн неизменно оказывался на шаг впереди.

– Но мы ведь собираем новые войска, разве нет? – поинтересовался Хортен Борсенгьон, до сего момента молчавший. – Мне только вчера доложили, мой управляющий отправил в Сильвхолл еще две сотни воинов. Ульпрели, насколько мне известно, обещали восемь сотен, а дали пока только пять. Мы не можем предугадать, каким путем Хол-

дстейн направит свою армию. Так может быть, поделить войска? Не отправлять вторую армию вслед первой, а повести ее иным путем? Так, рано или поздно, северяне окажутся в ловушке.

– Рассредоточивать войска? – Колисс Эринн всплеснул руками в настолько женском жесте, что, несмотря на сложившуюся ситуацию, Линель едва удержался от смеха. – Что за глупость! Как мы можем с силой ударить по Холдстейну, если наша армия не будет единой?

– Северянину сложнее будет уйти от двух, а то и трех маневренных групп, нежели от одной огромной и неповоротливой армии, – терпеливо принялся разъяснять Перрье. – Большое войско – это хорошо, но оно дольше будет ползти к цели. Наберись сейчас в Сильвхолле отряд тысячи в две человек...

– Наберется, – прервал Линель говорившего. – Мысль лорда мне ясна, и я согласен: пока наше войско идет к Муору, Холдстейн успеет подмять под себя не только прибрежных лордов. Чем дальше он продвигается, тем больше набирает союзников, время играет на его стороне. Поймаем подлеца в капкан.

– Что ж, я согласен с его величеством, – утомленно согласился Молдлейт. Весь его внешний вид, казалось, говорил: «Да послушайте вы этого сопляка, он все равно все сделает по-своему». – Мы действительно не знаем, куда направятся войска Холдстейна после Приречья, так что рационально было бы рассредоточить и наши армии. Кто поведет второе

войско? Ваши предложения, милорды. Я рекомендую моего старшего сына – вы все знаете Линнфреда.

Лорд Бриенн открыл было рот, чтобы возразить, но Линель знал, что сейчас будет происходить. Каждый из лордов предложит своего кандидата, каждое из войск: группа Молдлейтов, группа западников, люди, предоставленные Райсеном, Бриенном Эринном – у каждого будет свой командир. В итоге второе войско, как и первое, поведет несколько людей. Король жестко прервал говорившего:

– Нет. Милорды, Холдстейн ведет свои войска сам, и мне, похоже, настало время лично выступить против него. Не хотелось бы, чтобы теперь, после наших поражений, кто-то осмелился сказать, что я... будто бы... испугался северного выкормыша.

– Никто не осмелится произнести такого, милорд! – взвился Райсен, но Линель так сурово глянул на него, что лорд поспешил заткнуться.

Слово взял Молдлейт.

– Опрометчиво, милорд. Холдстейн вынужден сам вести войска: за его ставленниками, без самого узурпатора, люди не пойдут. Иное дело вы, законный король нашей страны. Вам не следует рисковать жизнью.

– По-вашему, милорд, я должен отсиживаться в норе, в то время как узурпатор с победой идет к столице?! – вспыхнул Линель.

– Вы законный король. Вы вправе игнорировать Хол-

дстейна.

– Мне надоело, слышите, надоело его игнорировать! Это он игнорирует меня, нанося моим союзникам одно поражение за другим! – зашипел Линель, едва не брызгая слюной. – И, милорды, вам не приходило в голову, что, быть может, наши войска быстрее зашевелят задницей, если король лично приедет проследить за выполнением его приказов? Или вы думаете, опоздание приречных лордов к Каллье так и останется нашим единственным промахом в войне? Милорды, вам всем плевать друг на друга! Вы не хотите друг другу помочь, вам важней самим понести наименьшие потери сейчас, а о потом вы не думаете! А Холдстейн этим всю пользуется.

– Но совет не виноват в поступках приречных лордов, мой король, – робко напомнил Райсен, глуповато хлопая глазами.

– Ну разумеется, – елеинным тоном ответил Линель. – Разумеется, милорды. И если еще когда-нибудь случится что-то подобное, опять никто не будет виноват. Снова будем предъявлять претензии трупам, господи! Нет, с меня хватит. Я ничем не хуже этого выскочки-северянина, и тоже... эээ... в состоянии командовать армией. Лорд Бриенн, проинспектируйте сегодня войска, в конце недели я намерен выступить.

И он выступил. В который раз сделал все по-своему, несмотря ни на что. Он напрочь проигнорировал кислые лица советников, особенно скривившиеся, когда в свое отсут-

ствие Линель поручил исполнение королевских полномочий не кому-то из них или всем вместе, а Байярду – единственному, признавшему правильность поступка Линеля.

– Лорды правы в том, что вам следует беречь себя, но вы правы в том, что скажут люди. Многие могут решить, что вы боитесь Холдстейна, и кто знает, как это скажется на численности ваших союзников. Это война королей, ваше величество, и бороться в ней тоже должны короли.

Война королей! Это выражение так понравилось Линелю, что именно его он использовал в разговоре с женой, в тот же день, когда принял решение о самоличном руководстве армией. Селисса была в бешенстве. Как разъяренный зверь (лиса, бешенная лиса), она носилась по спальне, громя все вокруг, срывая с окон богатые гардины, бросаясь в стены посудой, переворачивая стулья. Ее лицо покраснелось, глаза горели сумасшедшим огнем. Рукава роскошного платья ярко-розового цвета мешали производить разрушения, и она оборвала их с треском.

Линель с удивлением наблюдал за вспышкой жены. Он знал, конечно, что Селисса своенравна и строптива, но никогда не думал, что настолько.

– Лично вести армию! Да ты сдурел! – орала она на него, используя такие выражения, которые никто и никогда не должен слышать от придворной дамы. – Ты только об этом сукином сыне и думаешь! А о своей жене, своем ребенке ты забыл?!

Линель невольно взглянул на живот Селиссы – совсем еще плоский. Даже не скажешь, что внутри есть ребенок. Селисса поймала взгляд мужа и заорала громче прежнего:

– Да, ребенок! Каково мне оставаться в такой момент одной?! Я тут, понимаешь, должна сидеть с надутым пузом, пока ты развлекаешься?

– Это не развлечение, Лисси... – попытался объяснить Линель, но тщетно. Селисса не хотела ничего понимать. Она хотела, чтобы муж всегда был рядом, Холдстейн волновал ее мало.

В конце концов она разрыдалась и, когда Линель принялся ее утешать, попыталась выбить из него обещание отказаться от затеи.

Линель остался тверд, и они поругались. Селисса выгнала его из своих покоев, и всю неделю до выхода армии из Сильвхолла он терпел ее холодное негодование. Она не разговаривала с мужем, не заходила в его комнату, за едой садилась по другую сторону стола. Придворные видели размолвку короля и королевы, и Линель пытался объяснить жене, что при дворе нельзя так откровенно показывать свои чувства, что здесь, как нигде в другом месте, любой готов воспользоваться минутной слабостью... Зря. Селисса ничего не хотела знать. Она хотела, чтобы муж никуда не уезжал, и стояла на своем.

Помирились они только в последнюю ночь перед отъездом. Она сама пришла к нему, печальная, дрожащая. При-

жала его ладонь к своему животу и, рыдая, стала рассказывать, как она боится, что его убьют. Он утешал жену, как мог.

Но остаться не захотел.

Может быть, напрасно.

Пор крайней мере, так он думал спустя дни пути, когда серебряные стены столицы остались позади, когда впереди замаячила граница королевских земель.

Был дикий холод. Войско шло по заснеженным равнинам, где промозглый ветер гонял в воздухе острую снежную крупу. Лес оставался вдалеке. Линель с тоской смотрел в сторону темнеющих под белым налетом стволов. Там ветрено не было. Он с удовольствием отдал бы команду пройти сквозь чащу – срезать путь, погреться под сенью осин и дубов. Отсоветовали.

– Интересный план, Ваше Величество, хотя и опасный, – поставил под сомнение идею короля племянник лорда Огдена – Хорти Райсен, когда король вскользь упомянул о своем желании. – Вот помню, мой отец пошел как-то вассала дяди усмирять, взял три сотни конников да дернул напрямую через лес. Дорогой-то там дня два пути было. Как думаете, сколько до места дошло, Ваше Величество?

– М-м-м... Две трети?

– Половина! Завел мой папа своих ребят в болото, потонули вместе с конями. А оставшихся вассал крепко потрепал. С тех пор дядя отцу больше серьезных дел не доверял...

Линель хмуро смолчал. Интересно, знает ли о таких военных премудростях его противник? Наверняка! Король Таер не позаботился дать наследному принцу королевское образование. Линелю не преподавали почти ничего из тех дисциплин, что позволили бы выиграть войну. Зато у Моэраля нужные знания точно были: его учили лучшие учителя. Юный Линель по глупости сочувствовал Холдстейну, когда тот тратил на занятия долгие летние дни вместо того, чтобы веселиться. Пока Линель проводил время в саду с другими благородными детьми, голова Моэраля прилежно склонялась над книгами и картами. Таер долго, очень долго готовил себе преемника на место родного сына...

Шрам дернуло, и король с силой потер его, гоня боль прочь. Предатели – и Холдстейн, и покойный король – оба они были предателями. Переступили через него, через его интересы, через его права, будто так и должно быть! А он, глупый ребенок, даже не понимал, чего они лишали его, что воровали у него по чуть-чуть. Он злился. На Райсена тоже злился, и сильно, но понимая, что злость направлена дальше. Туда, куда еще только предстояло дойти. К Приречным землям, где хозяин теперь Холдстейн. Райсен же был виноват лишь в том, что видел неопытность молодого короля.

К счастью, Хорти вел себя крайне осторожно. Он не ставил себя на место наставника особы королевской крови, ни на чем не настаивал. Он рассказывал истории, отвечал на вопросы, будто бы не видя, с какой жадностью Сильвберн

хватает каждую крошку чужого опыта. А Линель торопился учиться, проклиная себя, что не взял с собой опытного учителя, мастера в тактике и стратегии. С ним шли простолюдины, рыцари среднего возраста, да лорды – его ровесники, племянники и чьи-то младшие сыновья. Большим везением было, если кто-то из них участвовал в соседских склоках с оружием в руках или, как, например, Хорти, помогая когда-то Кольби, сцеплялся с князьями из Вольных Княжеств. Большинство дай боги если умирляли собственных селян.

Король оглядывал войско, и непрошенное слово «скоп» вертелось на языке. Отряды из разных земель, шедшие каждый под командованием собственного предводителя, вместе напоминали разномастное стадо. Будто согнали в кучу коров, коз, овец и гусей и предлагают ему, Линелю, управлять ими по одним правилам. Разве можно одинаково командовать конем и свиньей?

Рядом, продолжая начатую историю, Райсен ненавязчиво обучал короля:

– Через лес надо ходить с маленьким отрядом, чтобы за каждым человеком приглядеть можно было. Если дороги нет, надо обходить его стороной. Уж если есть крайняя нужда – тогда только лезть в чащу. Лес для конницы не подходит: почти непроходим. Войско растеряется, кони ноги поломают. Да и обозы оставлять придется. Вот помню, отец рассказывал, пришлось им как-то бросить обоз...

– Почему лорд поставил тебя командовать отрядом? –

спросил Линель.

– Случайно вышло. – Пожал плечами Райсен, казалось, совсем не обескураженный внезапностью вопроса. – Я единственный подходящий для такого дела родственник лорда. Да и опыт у меня небольшой имеется. У нас был случай. на дальнее селение разбойники напали, пограбили, пожгли. Лорд сам в Сильвхолле, сын его старший там же. Кастелян старый, отец мой не в почете. Мне младший лорд и говорит: «Давай сами разбираться». Ну, мы по коням, народу набрали да мерзавцев ловить. Поймали, на суку вздернули. А потом наследный лорд вернулся да лорду Огдену написал, как мы хорошо все уладили. Тот тогда на меня внимание и обратил, стал дела разные по мелочи доверять. Я-то понимаю, очень он за младшего своего волновался, тому семнадцать всего, а тогда куда младше был, и большое облегчение лорду было, когда он узнал, что я Раемону спину прикрывал.

– Раемон – это младший сын Огдена?

– Да. Вы его могли не видеть, он редко при дворе бывает. Он и Саймон – единственные сыновья лорда, но Раемона, по моему, лорд любит больше.

– Оттого и держит от нашего гадюшника дальше, – пробормотал Линель, но собеседник его услышал.

– Что, Ваше Величество?

– Не видел я его, говорю. Саймона знаю, свадьбу его помню, мне тогда лет восемнадцать было, когда он женился, – упоминать, что со свадьбы он ушел очень рано из-за очеред-

ной завуалированной ссоры с Таером, Линель не стал, — а вот Раемона не помню.

— Не удивительно, Ваше Величество, я же говорю, он редко при дворе бывает. Он болезненный, не такой, конечно, как Фадрик Молдлейт, но зараза к нему всякая с одного раза цепляется, вот помню у него гадость какая-то была, оспины на лице появились, так мы всем двором...

Но король уже не слушал. Имя среднего сына Уолдера Молдлейта напомнило ему об Артейн и ее письмах. Обиделся ли Фадрик на Линеля? Сам лорд Уолдер ни словом не упомянул о произошедшем, спокойно отнесся к известию короля, что леди Молдлейт дала приказ ее войскам к отступлению.

Как ни странно, любопытствовали другие.

Лорд Бриенн обеспокоился количеством направленных приказов, Эринн — способом доставки, Перрье волновался, что войска пойдут наперекор указу Рейны. Молдлейт вел себя так, словно иначе и быть не могло, и, вообще, весьма удивительно, что никто не озаботился получить приказ Рейны раньше — невестка лорда-председателя не может быть на стороне предателя.

Мнения Фадрика Линель не знал, и ему было даже немного стыдно перед парнем. Не за то, как он обошелся с его женой, эта девка лучшего не заслуживала, а за то, что вообще дал свое согласие на их брак. Линель очень сомневался, что сын Молдлейта по собственному желанию решил жениться

на Рейне. Линель ему сочувствовал.

А еще его совесть мучило, что он использовал Фадрика, чтобы больше ранить Холдстейна.

«Я отдал твою женщину калеке!» – мысленно хвастался он перед Моэралем. И тут же себя одергивал, уверяя самого себя, что всего лишь сделал необходимый политический шаг.

Хорти, заметив, что король его не слушает, немного потстал, оставив Линеля в одиночестве. Если можно, конечно, назвать одиночеством следование в потоке людей, находящихся от тебя на почтительном расстоянии. Он, по сути, никогда не бывал совсем уж один. Всегда находился кто-то, от чьих острых глаз было не спрятаться.

Раньше это был отец. Теперь Линелю казалось, что это – Совет. Хорти Райсен – просто неплохой человек, с которым любопытно поболтать, несмотря на его несколько простонародный говор. А вот Гренвальд Кэшор, приведший объединенные войска западных лордов, явно следит за королем, докладывая обо всем Перрье. И кто знает, что пишет в своих письмах лорду Бриенну его двоюродный племянник Айди, словно для обеспечения порядка в отряде, предоставленном лордом-советником, направившийся с войском Линеля.

Нет, что бы там Линель себе ни говорил, не он командовал ведомым им войском. Да и он ли его вел? И просто так ли дает ему советы вездесущий Хорти?

Линель совсем запутался в воображаемой паутине чужих

намерений.

Интересно, насколько самостоятелен в своих решениях Холдстейн?

На самой границе королевских земель, там, где смыкаются земли Молдлейта и лорда Ульпреля, называемые Равнинный простор, на холме, ставшем границей между владениями, стоял храм, посвященный Вудэку.

В королевстве построили не так уж много храмов для отдельных богов. Экономя на ресурсах (ведь если строить пять храмов, каждый должен быть не хуже другого, а убогое место обитания богу предоставить никак нельзя), большинство лордов устраивали молитвенные места для всех пятерых в одном месте, и на этом успокаивались. Исключением были уединенные храмы Аэлиннэ, раскиданные по горам. Три храма Илерии: один – на юге, один – на севере, на границе Иэраля и Вантарры, один – в Приречье, среди притоков Муора. Мрачный храм Кэссопа далеко на западе, возле Вольных Княжеств. Мелкие храмы Тармея, преимущественно расположенные на хлебородном западе и немного на юге. И вот этот храм Вудэка – единственный на все королевство, неимоверно большой и невообразимо прекрасный.

Немногие уже помнят, что со стародавних времен между Молдлейтами и Ульпреями велась вражда. Сильная, непримиримая, она передавалась от отца к сыну, от деда к внуку, и огромный пологий холм – нынешнее место обитание бога

– не раз становился полем сечи для двух родов.

Междоусобная война четырехсотлетней давности, отдавшая трон роду Сильвберн, положила конец этой вражде. Так уж случилось, что и Молдлейты, и Ульпреди в итоге выступили на стороне Роллана Холдстейна, и он – тогда еще не король, лишь претендент – поставил им жесткий ультиматум: меж союзниками не должно быть крови.

Скрепя сердце, Ульпреди первыми предложили мир. Оллис Ульпрель женился на Ирне Молдлейт, Хинген Молдлейт – на Котти Ульпрель. А на холме, бывшем поле битвы, два рода сообща построили храм богу, столь долго бывшему покровителем этого места.

С тех пор много воды утекло, сильно возвысился род Молдлейтов, утратил значительную часть бывшего величия род Ульпрелей. Канула в небытие бывшая вражда, и лишь старый храм остался немym напоминанием о ней.

Именно у подножия этого храма остановилась на ночлег армия Линеля.

Самому королю и ряду благородных лордов главный жрец предложил провести ночь в скромном убежище при храме. Впрочем, скромным его можно было назвать только по очень завышенным меркам. Единственный храм бога-покровителя воинов – место паломничества многих рыцарей, что, естественно, приносит богатые пожертвования. Поэтому убежище при храме было двухэтажным зданием из серого камня, со множеством каминов во множестве комнат, где по-

лы устилали ворсистые ковры, а стены украшали гобелены со сценами битв. Мебель из прочного дуба не радовала глаз изяществом, но отличалась надежностью, в чем-то даже заменявшей красоту. Все в этом доме говорило о прочности, а следовательно, и о твердости, присущей Вудэку.

Линелю понравилось в гостях у жреца. Крепкий кряжистый мужчина, разменявший шестой десяток, не лебезил излишне ни пред его величеством, ни перед его спутниками, говорил спокойно, размеренно, не стремясь свести разговор к жертвоприношениям и иным богоугодным делам. Нотации не читал, в общем, вел себя несколько по-мирски, что сделало атмосферу за столом приятной и расслабленной.

Гостей угощали птицей и рыбой – весьма редким лакомством в этих скупых на воду краях. Линель заметил, что сам жрец ни одного, ни второго не ел, ограничился лишь овощами, поданными на гарнир. Это отсутствие у служителя бога чревоугоднических желаний еще больше расположило Линеля к нему.

Жрец представился братом Лаутером, но Линель знал – это имя совсем не то, которым его нарекли при рождении. И мужчины, и женщины, уходя служить богам, оставляют позади все, даже собственные имена. Но спрашивать о том, как действительно зовут Лаутера, Линель, разумеется, не стал – это было бы более чем невежливо. Хотя, конечно, было интересно, как ответил бы жрец на вопрос не простого любопытствующего, а короля.

После ужина короля с лордами проводили в спальни юные прислужники — мальчики от двенадцати до четырнадцати лет. Король лег на мягкую приятно пахнущую лавандой перину, собрался спать, но сон не шел. Без толку проворочавшись около часа, Линель встал, зажег свечу и подошел к окну. В пятидесяти шагах перед ним возвышался храм. От одного взгляда на него пробирала дрожь. Мощные стены вздымались ввысь, в ночи сливаясь с темным небом, покатая крыша служила подставкой для зависшей над ней луны. Факелы ярко пылали у входа в храм, разгоняя тьму.

Линель оделся и вышел во двор. Мороз, от которого он не успел еще отвыкнуть за краткое пребывание в тепле, принялся жалить с новой силой, и король ускорил шаг. Двери храма войны, незапираемые ни днем, ни ночью, распахнулись навстречу, и Линель предстал перед Вудэком.

Высеченный из черного камня бог стоял посреди храма, одетый в полное воинское облачение, устремив руку вверх. Прорубленное в потолке над статуей окно забрали желтым стеклом, и Линель понял: днем, когда нет туч и ярко светит солнце, Вудэк купается в лучах света. Должно быть, необыкновенное зрелище.

«Но сейчас время красного стекла», — внезапно подумал Линель и содрогнулся. Он представил себе ту же статую, объятую алыми сполохами. Война.

Линель пошел по кругу, обходя статую. Каменный бог повернулся к нему боком, потом спиной. Король шел и рас-

смастривал убранство храма.

Тот был красив. Множество лампад на длинных цепях свисало с потолка, стояло на подставках у стен, расписанных фресками, повествующими о войнах древности. В отделке здания не использовалось золото: приглядевшись к одному канделябру, Линель с удивлением узнал сталь – благородный металл, приличествующий Вудэку более всего. В некоторых нишах на каменных пьедесталах лежали черепа – самые настоящие, насколько можно было судить.

Великолепие и мощь давили на плечи, прижимали к земле, напоминая: кто бы ты ни был, ты всего лишь человек. Жалкий муравьишка, песчинка в просторах мироздания. Как жрецы могут спокойно молиться этому богу, столь страшному и величественному?

Линель совсем забыл, что Вудэк – еще и бог мудрости.

Бродя по храму, он невольно сравнивал его с обиталищами других небожителей. Вспомнил небольшой храм Тармея, где алтарь обложен снопами пшеницы, а в нишах стоят корзины с яблоками, откуда каждый может брать, сколько хочет. Уютный храм Аэлиннэ, дышащий покоем. Жилище Илерии, в котором каждый день при богослужении юные прислужницы поют хором.

Дома Кэссопа Линель не видел, за что был благодарен. Если его так пугает храм войны, что будет с ним в жилище смерти?

– Как приятно, что вы зашли помолиться, Ваше Величе-

ство. Такое благо – иметь богобоязненного короля.

Появление жреца разрушило гнетущую атмосферу храма, и король с облегчением вздохнул.

– Я никогда тут не был, решил посмотреть.

– Он величественен, правда? – Лаутер кивнул на статую и подошел ближе к королю.

– Он пугает своим величием, – ответил Линель.

– Это ваш бог, Ваше Величество, – заметил жрец.

Линель промолчал. Вряд ли Вудэк был его богом, хоть он и короновался его именем и при благословении его жрецов направился на войну. Сам Таер однажды сказал, что бог его сына – бог крестьян и ремесленников. Добрый Тармей вместо опасного Вудэка. И Линеля это вполне устраивало. Если бы тогда же король не добавил: «Ты не годишься на уготованную судьбой роль».

А с этим Линель уже был не согласен. Тармей ничуть не хуже Вудэка, а в чем-то даже и лучше. Он, по крайней мере, дарит людям мир.

– Вы не хотите завтра совершить жертвоприношение? – внезапно спросил жрец.

И Линель мысленно поблагодарил старика. Войско оценит этот жест – ничто иное, кроме как благословение бога, не способно в разы поднять боевой дух армии.

– Жертвоприношение будет, – ответил король. А потом, повинаясь влиянию момента, спросил: – Кому благоволят боги в этой войне, брат Лаутер?

Жрец пристально взглянул в глаза молодого короля, и Линель не увидел в его взоре лжи, когда служитель богов тихо сказал:

– Боги не оказывают предпочтения никому. Мне кажется, им все равно, чем закончится это противостояние.

На следующий день, возложив на алтарь Вудэка свои дары, королевское войско продолжило путь. Его по-прежнему вел молодой Сильвберн, гораздо более уверенный в себе, чем в начале похода.

Если боги не благоволят ни одному из королей, что ж, значит, короли все решат между собой. Сами.

Фадрик

Несколько лет назад в Сильвхолл из Вольных Княжеств приехал художник. Король Таер, и без того недолюбливавший людей творческих профессий, считавший всех поэтов, художников, скульпторов и музыкантов самовлюбленными лентяями, холодно отнесся к гостю, но все же выделил один из залов дворца для выставки его работ. Это был крах. Полный провал.

Больше художник в королевство не возвращался.

Фадрик, как и большинство из знати, посетил выставку. Он пришел на нее одним из последних, по привычке избегая людных мест и блистательных сборищ. Пришел... и долго потом просыпался по ночам в холодном поту.

Приезжий творец отличался несколько... экстравагантным... вкусом. Основной тематикой его работ была смерть. Под разными личинами: то одетая в праздничные одежды, то в истлевшие саваны, то радостная и смеющаяся, то хмурая и безжалостная – но все же смерть. Художник изображал ее в виде тени, притаившейся в листве дерева над влюбленной парой, в виде кошки, лениво качающей лапкой на спинке кресла, свешивающей хвост на плечо курящего трубку старика. Она проглядывала сквозь черты невинного ребенка, одевалась в свадебное платье, украшала себя венками из весенних цветов.

От этих картин, источавших отчаянье и безысходность, шли мурашки по коже.

Но больше всего Фадрику запомнилась одна работа. На полотне размером с письменный стол в кабинете лорда Молдлейта, втиснутом в широкую лакированную рамку, была изображена девушка, готовящаяся ко сну. Она сидела на краю кровати, уже готовясь прилечь, ее матово-белые руки, занесенные над головой, расплетали толстую косу, и белокурые локоны свободно струились по спине и покатым плечам. Короткая ночная сорочка слегка сползла, полуобнажив грудь, подол чуть задрался, оголив колени, сквозь легкую ткань просвечивало молодое, налитое жизнью, невинное тело.

А позади девушки, на второй половине кровати, скрываясь в тени полога, лежал мертвец. Его разлагающуюся плоть художник написал в красно-зеленых тонах, местами обнажившиеся кости светились желтым цветом. Одна половина лица окончательно сгнила, оголив череп. Из пустой глазницы («Левой, – зачем-то все время вспоминал Фадрик, – именно левой») тянуло щупальцы черное спрутоподобное существо. Чудовище не протягивало к девушке лап, не стремилось схватить ее, причинить боль, нет. Кошмар картины был не в самом факте нахождения рядом с прекрасным телом отвратительного создания. Причина ужаса заключалась в лице девушки. Абсолютно спокойном, совершенно умиротворенном. Словно для нее обычным делом было ложиться

в постель с мертвецом.

Но чем больше Фадрик вглядывался в картину, тем отчетливее понимал – она таит в себе вещи куда более кошмарные, чем можно предположить вначале. Умиротворенность в лице девушки, спокойствие лежащего с ней в кровати трупа – они словно не ведают друг о друге, не видят друг друга. Привычный человеческий мир и мир кошмаров будто совершили взаимное проникновение, и достаточно лишь протянуть руку, чтобы коснуться самого настоящего ужаса.

Ложащаяся спать девушка просто не знала, что в постели она не одна.

Отвергнутый Сильвхоллом художник, дитя Вольных Княжеств, сам того не желая обнажил самую темную глубину человеческих страхов. Он кистью сказал всем: «Вы можете продолжать ходить, есть, говорить, но хотите вы того или нет, все это время вас будет окружать потусторонняя жуть».

Может быть, поэтому его работы и не пришлись в Сильвхолле ко двору. Люди не любят задумываться.

Наверное, Фадрик был единственным, за счет кого художник немного обогатился. А впрочем, быть может, нашлись и другие, те, кто втайне подошел к творцу, пугающему своим воображением, поспешно сунул ему кошелек и ткнул пальцем в понравившуюся работу. Так или иначе, юный Молдлейт купил «Девушку и труп», отвез в свой дом во Фрисм – и больше ее никогда не видел.

Но он не мог, просто не мог допустить, чтобы эта жуть и

дальше гуляла по свету.

Нельзя, нельзя открывать людям такую страшную правду!

Он годами не вспоминал про картину, но теперь, взбаламученная возвращением во Фрисм память, настропаленная событиями на западе и странной встречей в «Лилии», возвратила впечатления о запредельном ужасе, пережитом при первом взгляде в мир кошмаров. Сам себя не понимая, Фадрик стремился как можно скорее войти в чулан на верхнем этаже, сорвать покров чехла с порожденного больным разумом творения, вновь встретиться с существом, чей родственник едва не отправил его на тот свет, лишь по недоразумению ограничившись пропоротой стенкой кареты.

Фадрику казалось, что, взглянув на полотно, он откроет для себя какое-то откровение, новую истину жизни.

Они приехали в город глубоким вечером.

Зябко кутавшаяся в меха Рейна с интересом оглядывала приземистые толстые стены из желтого камня, тяжелые ворота, с натужным скрипом распахнувшиеся навстречу хозяину, узкие улочки, по которым ползла карета, то и дело подсакивая на ухабах – мостить во Фрисме улицы были обязаны хозяева зданий, расположенных на них, и уж каждый старался, кто во что горазд. Фадрик невольно испытывал стыд за Фрисм – единственное место, которое он с удовольствием называл домом.

– Не похоже на север, верно?

Рейна обратила к мужу узкое лицо.

– Совсем непохоже. Север другой. Больше простора, черно-белые тона, высокие стены и замки...

– Здесь мы будем жить в доме.

– Доме? Но тут же есть замок?

– Он используется как гарнизон. Поверь, милая, жизнь в нем была бы лишена привычного тебе комфорта.

Рейна презрительно поджала губы. Что он, изнеженный аристократ, может знать о ее привычках? Большую половину жизни она провела в четырех стенах скудно обставленной комнатухи, пользуясь услугами всего одной служанки. А совсем недавно и вовсе была пленницей.

Рейна никогда не сказала бы мужу ничего подобного, но Фадрик с легкостью читал эмоции на ее лице.

Город делился на четыре части, каждая из которых называлась «конец». Кучер, намеревавшийся было поехать через западный, по приказу лорда повернул направо – на северный. Дорога до дома так получалась немного длиннее, но зато Рейна теперь была лишена возможности в полной мере насладиться запахами Фрисма – город славился выделкой кож, и мастерские располагались именно в западном конце. Фадрик хорошо знал, какая там царила вонь.

Впрочем, остальные три конца пахли не многим лучше.

Фрисм раскинулся на небольшом участке холмистой местности, окруженной лиственными лесами. На две неравные части город разрезала река Быстринка, в самом городе

отгороженная стенами – вероломная река нередко подмывала дома, стоявшие у берегов, и еще прадед Фадрика принял верное решение огородить ее русло.

Для многочисленных мастерских в черте города требовалось много воды, и практически на каждом шагу из Быстринки вытекали забранные в желоба каналы. Эти узкие водотоки, петляя и ветвясь, струились к границам города, где чистая речная вода отправлялась на обеспечение нужд мастеровых. Потом от мастерских, мутная и опоганенная, она спускалась в самый низ города, в кварталы бедноты, откуда вновь возвращалась в Быстринку, вливаясь в нее взбаламученным потоком ниже по течению. Таким образом, устройство города делало пригодным для комфортного житья лишь его центральную часть. Знать селилась по обе стороны от стен, закрывавших русло Быстринки, да возле центральной площади, где отмечались праздники и по выходным шел оживленный торг.

Дом Молдлейтов располагался чуть вдалеке от центральной площади, в двух десятках шагов от старого замка, где последние пятьдесят лет находились гарнизоны городской стражи. Русло Быстринки в этом месте было полностью упрятано под землю, и получалось, что замок практически стоит на воде. Его нижние подвалы вплотную подходили к руслу реки, что позволяло в случае нужды покинуть гарнизон на лодке.

Правда, со времен последней войны делать этого никому

не приходилось, а вот сырость в здании из-за соседства с водой стояла страшная.

Все это Фадрик успел рассказать жене, пока карета подъезжала к месту, которое он надеялся сделать ее домом.

Рейна вылезла на улицу и осмотрелась.

Дом встречал их льющимся из окон светом, у самых дверей стояло несколько слуг. Рой Алмулби – кастелян Фрисма, управлявший городом в отсутствие Фадрика – спускался с крыльца. Он почти не изменился – все тот же вечно средний возраст, кряжистая широкая фигура, растрепанные волосы светло-русого цвета, бледно-зеленые глаза навывкате. За годы, что Фадрик не видел Роя, в том поменялся лишь объем талии – видно в последнее время тот сильно налегал на пиво.

– Рой!

– Ваша милость! Добро пожаловать! – Кастелян подошел к карете и поклонился, переводя взгляд с милорда на женщину подле него. – Миледи.

– Рой, знакомьтесь, это моя жена, леди Рейна, урожденная Артейн. Рейна, не смущайся, с Роем у нас все по-простому.

– Я люблю по-простому, – улыбнулась Рейна, хотя весь вид ее говорил об обратном. Фадрик мысленно пожал плечами – Рой имел свойство не нравиться женщинам, одни боги знали, почему. – Приятно познакомиться, эр Алмулби.

– Приятно видеть, какая красавица стала женой нашего лорда. – Рой изо всех сил пытался казаться галантным, и Рейна не оставила его попытки без внимания. Еще одна, слабая,

но более настоящая, чем первая, улыбка тронула ее губы. – Пожалуйста в дом, миледи.

Фадрик ревниво следил за тем, как жена поднимается по ступеням к дверям, как оглядывает прислугу. Слуги беспокоились, кланялись, скрывая изумление. Рейна вошла в просторный холл, где стены пестрили портретами предков Фадрика. Ее провожали долгими недоуменными взглядами, и Фадрик ощутил легкий укол обиды – никто, даже собственные слуги, и не предполагал, что такая женщина выйдет за него по своей воле. А Рейна, не обращая ни на кого внимания, шла по дому, внимательно рассматривала каждую вещь, каждую мелочь и, казалось, выносила о ней собственное суждение, и Фадрик с запоздалой ясностью сообразил, что всю дорогу в Фрисм он боялся, отчаянно боялся, что здесь ей не понравится. Но, когда он совсем отчаялся, она обернулась к нему с сияющим лицом и сказала:

– Тут прекрасно.

И тогда Фадрик понял: она, как и он, готова если не навсегда, то на очень долгое время, назвать Фрисм своим домом.

Фадрик освободился от дел лишь глубоким вечером. Все заботы по обустройству на новом месте взяла на себя Рейна, которой, похоже, понравилась идея быть во Фрисме полновластной хозяйкой. Фадрик ей не мешал. Он видел, что жена в состоянии разобраться со слугами, и с облегчением переложил эту обузу на ее плечи. Но на его долю по-прежнему

остался кастелян.

Рой пришел в кабинет сразу же за Фадриком. Его радость от приезда лорда постепенно уступала место некоторой обеспокоенности. Словно оправдываясь перед Фадриком, непрозрачно намекавшим на желание отдохнуть с дороги, он проговорил:

– Я б не отвлекал, милорд, только предупредить хочу. К вам завтра явится один человек, которого вашей милости желательно бы было принять.

Фадрик, не знавший никого во Фрисме, кто мог бы навязать ему свое общество, не стал скрывать удивления.

– Что за человек, Рой? К нам кто-то прибыл из столицы?

– Вроде того, милорд, вроде того. – Кастелян огорченно вздохнул и без приглашения уселся в кресло. – Тут такое дело...

В ту ночь Фадрику долго не удавалось заснуть. Сладко сопела Рейна, уткнувшись носом в подушку, чистые прохладные простыни приятно пахли розой, тишину на улице не нарушал ни один звук, в спальню не проникал посторонний свет... Ему не спалось. Мешало раздражение, тугой пружиной свернувшееся в груди и грозящее вот-вот вырваться наружу.

Он достаточно знал о реформах своего короля, чтобы относиться к ним с неодобрением. В глубине души он прекрасно понимал причины этих реформ, но вот смирить благородный норов знатного человека не мог. Впрочем, не он один

за глаза поносил Линеля и его эдикт, предписанием которого создавалась тайная служба под руководством любимчика короля – Байярда Зольтуста.

Знать выводило из себя не столько то, что за ними будет кто-то наблюдать, сколько сама оторванность службы от двора. Одно дело, когда по распоряжению короля на твою землю идет наводить порядки равный тебе благородный лорд. Совсем другое, когда ты должен давать отчет безродным выскочкам. А именно из безродных выскочек и состояла королевская служба. И возглавлял ее также безродный выскочка.

Теперь один из таких выскочек появился и во Фрисме.

Он приехал с месяц назад и первым делом явился к Рою. Представился, предъявил кастеляну грамоту с самой что ни на есть подлинной королевской печатью и затребовал дом для размещения своей службы. То есть, себя.

Рой не осмелился возразить, и Эффсину Шарху выделили небольшой домик в центре, в двадцати минутах ходьбы от жилища самого Фадрика. Первое время соглядатая было не слышно и не видно, лишь из окна его кабинета то и дело вылетали голуби, а потом Шарх принялся появляться в поле зрения Роя. Доходили слухи: человек Зольтуста бродит по городу, мало говорит, но много спрашивает.

Словно незримое, но внимательное око раскрылось в небе над Фрисмом.

А день назад безродный выскочка вновь явился к кастеляну и вежливо осведомился, не изволил ли приехать благо-

родный лорд Молдлейт. Услышав отрицательный ответ, он только усмехнулся и велел передать, что в случае прибытия лорда немедля же поспешит засвидетельствовать ему свое почтение.

А Фадрик весьма желал бы избежать подобного почтения. И в случае чего твердо решил: если этот невесть что возомнивший о себе простолюдин осмелится явиться к нему на порог, он поступит так, как поступил бы его отец.

А лорд Уолдер спустил бы собак.

В доме Молдлейтов не любили завтракать рано. По усвоенной еще от отца привычке юные лорды начинали свой день с работы. Линнфред обычно шел на конюшню или ристалище, Даггард либо составлял ему компанию, либо навещивался в арсенал. Фадрик садился за письменный стол. Первые, самые ранние часы утра он посвящал чтению и письму. Женильба не изменила его привычек – Рейна предпочитала подстраиваться под мужа, поэтому время, когда семья собиралась за столом, приходилось обычно на девять-десять утра.

Так было и сейчас.

Фадрик, полночи проведенный без сна, чувствовал себя утомленным. Даже утро, на редкость ясное и чистое, не поправило его настроения. Еще и в столовой, проветренной перед завтраком, стоял холод. Одно из окон до сих пор было приоткрыто. Хорошо хоть, трудовые запахи Фрисма до центра города не долетали.

Рейна, умиротворяющая, утепленная шерстяным пледом, мечтательно улыбнулась супругу.

– Я позвала твоего кастеляна, ты не против?

– Ничуть, – улыбнулся Фадрик. – Тебе тут нравится?

– Очень. Лучше, чем в столице. Знаешь, здесь я чувствую себя свободной.

Вошел Рой, и Рейна обратилась к нему:

– Знаете, эр Алмулби, я только что говорила мужу, как мне нравится Фрисм.

– Приятно слышать, миледи. – Дождавшись приглашающего кивка, кастелян уселся за стол, служанка немедленно поставила перед ним вареные яйца. – Фрисм – дом лорда Фадрика, не Сильвхолл, если кого-то интересует мое мнение.

– Он большой? Я имею в виду город.

– Не очень, миледи. За пару часов обойдете. Всего один храм – для всех Пятерых сразу, одна торговая площадь. Много мастеровых, тут гильдии большую силу взяли, да... Я тут, признаться, намучался без милорда Фадрика держать их в узде...

Рейна слушала пространную болтовню кастеляна, улыбаясь. Она выглядела свежей и счастливой, и Фадрик, откинувшись на стул, с удовольствием наблюдал за ней: за тем, как она ест, аккуратно поднося ко рту ложку, как отламывает хлеб, берет масло. Казалось, умиротворение на несколько минут снизошло на столовую с находившимися в ней людьми.

– Лорд Фадрик. – В столовую вошел слуга. – Вас человек спрашивает. Эффсин Шарх.

Умиротворение растрескалось, посыпалось, опало ошметками. Рейна вопросительно взглянула на мужа. Рой Алмулби, усиленно жевавший, громко сглотнул.

– Я предупреждал вас, мой лорд...

И Фадрик разозлился. Вот так всегда, стоит немного успокоиться, свернуть на ровную дорогу жизни, как находится кто-то, вторгающийся в твой быт, вскакивающий в твою жизнь не спешиваясь! Будто право на это имеет!

– Скажи ему, чтобы шел вон, – промолвил Фадрик. – Лорд занят и не намерен его принимать.

Но только слуга развернулся...

– погоди! – Алмулби выглядел встревоженным. – Милорд, не следовало бы! Не такой это человек, чтобы запросто его отсылать!

– Не такой человек? – едва сдерживался Фадрик, чтобы не закричать. – А какой это человек, эр Алмулби? Может быть, это благородный лорд вроде меня? Нет? Молчите, эр? Кто, я спрашиваю, кто этот человек вообще такой, если позволяет себе появляться в моем доме незванным?

– Никто, милорд, – смиренно пробормотал Алмулби. – Совсем никто. Но он опасен – за ним стоят сильные люди. Сам король за его спиной. Всеми пятью богами прошу вас, не ссорьтесь с ним.

Фадрик молчал. Его гордость коробил этот визит, но еще

неприятнее было замечание кастеляна. Молдлейт должен бояться какого-то простолюдина! Какого-то ничтожества!

Но Рой был прав – ничтожество, или нет, но Эффсин Шарх обладал властью, врученной самим королем. А уж перед королем Фадрик был бессилен.

– Ладно, – сказал он наконец. – Я приму эра. Но не раньше, чем окончу завтрак. Пусть ждет.

Был этот простолюдин ставленником короля или нет, за свой стол Фадрик приглашать его не собирался.

Эр Шарх ожидал Фадрика в кабинете. По всему облику прищельца было видно – ожидание в течение часа, что милорд Молдлейт изволил провести за столом, его порядком взбесило. Оставаясь в доме лорда, простолюдин все же не набрался смелости взять с полки книгу, скрасив ожидание, как сделал бы благородный. А потому нежеланный гость просто просидел все положенное время, косясь на часы и молча ненавидя лорда Молдлейта.

Когда Фадрик вошел, Шарх встал и почтительно поклонился.

Фадрик медленно оглядел эра Шарха с ног до головы. Одетый в чистую, весьма приличную одежду, гость пытался выглядеть солидным, в чем-то даже вальяжным... Не получалось. Сорочка, тонкая, белая, из полотна, идущего по серебряной монете за отрез, не желала сидеть на нем как положено: воротник уползал то вправо, то влево. Темно-коричневый камзол топорщился в самых неподходящих местах. Чи-

сто выбритые румяные щеки гостя старались заявить о хорошем здоровье своего обладателя, но неприятного вида мешки, набрякшие под глазами, прямо вопили о том, что дело обстоит иначе. Растрепанные волосы неопределенного цвета говорили о простолюдине как о человеке весьма ординарном – только блеклая, совсем обычная личность могла иметь такие волосы. К тому же, как-то неопределенно подстриженные: мужская мода предписывала либо носить длинные волосы – ниже плеч, либо стричься совсем коротко, но цирюльник Шарха, по всей видимости, имел свои представления о стиле – волосы его клиента топорщились над ушами, немного успокаиваясь на затылке, имея длину с пол ладони. Но самым отталкивающим в визитере были глаза. Мелкие, блеклые, неопределенного водянистого цвета, они не вызывали ни малейшего желания встречаться с их обладателем взглядом.

«Крыса, это же просто большая неряшливая крыса, – посетила Фадрика неожиданная мысль. – У него облик крысы, повадки крысы и мысли крысы... И подчиняется он тоже крысе... крысе с золотым ключом».

– Как приятно, что Вы согласились принять меня, лорд Фадрик! – Голос Шарха оказался неожиданно твердым, диссонируя с внешностью – Фадрик ожидал противного крысиного писка.

– Эффсин Шарх, если я не ошибаюсь? Чем обязан?

– Визит вежливости, милорд, визит вежливости, не более

того, уверяю Вас!

Шарх сел на тот же стул, на котором провел в ожидании последний час.

– Считайте, вы его нанесли. Что-то еще?

Шарх улыбнулся, и Фадрик ощутил, как неприятно екнуло в животе. Такая улыбка, тонкая, многозначительная, не могла принадлежать обыкновенному человеку, каким казался Шарх.

– Вы ведь приехали с женой, милорд?

Гнев всколыхнулся в душе Фадрика, но он подавил его усилием воли и ответил спокойно:

– Ваши сведения верны.

– И король вам не препятствовал? Леди Артейн...

– Леди Молдлейт. Не знаю, как там у простонародья, а у знати женщина входит в род мужа при замужестве.

Шарх проглотил намек. Со стороны казалось, он его даже не задел.

– Ну разумеется, милорд, просто ваша свадьба, она случилась так недавно... Кто бы мог ожидать, что вы так скоро покинете столицу... Его Величество такого никак не ожидал.

– Не ожидал его величество или лорд Зольтуст?

Шарх снова улыбнулся:

– Они оба, ваша милость, они оба... Вы уехали, никого не уведомив...

– Я и не должен никого уведомлять, эр Шарх! Я благородный лорд и волен в своих действиях. Как и в своей жене.

– О, ну разумеется, разумеется. – Шарх комично замахал перед собой руками. – Я лишь имел в виду, что в столице расстроены отъездом леди... Молдлейт.

– Печально, – приторно улыбнулся Фадрик, показывая, что понимает намеки гостя, но продолжать разговор на эту тему не намерен.

Шарх немного поерзал на стуле. Было видно: он пытается найти подход к заносчивому лорду, но не знает, с какой стороны лучше начать. Наконец он спросил:

– Как долго вы намерены оставаться во Фрисме, милорд?

– Сколько мне будет угодно, – все с той же улыбочкой сказал Фадрик. – У вас все, эр Шарх? Простите, дела...

Глаза Байярдовой крысы потемнели. Но голос его, когда он вновь заговорил, оставался все таким же подхалимски-ласковым.

– Ну разумеется, разумеется, милорд. Оставляю вас вашим делам... и вашей супруге... Уверен, мы с вами еще увидимся... по роду моей деятельности... так сказать...

Шарх пятясь вышел прочь из кабинета.

И только неприятный смешок, который он позволил себе напоследок, еще долго отдавался в ушах Фадрика колокольным звоном.

Илиен

Когда Илиен с сестрами были всего лишь маленькими девочками, няня часто рассказывала им легенду о девушке и единороге.

– Раз в год, – говорила она, – когда у ирисов появляются бутоны, а луна становится такой полной, что похожа на блюдо, к Круглому озеру приходит на водопой белый единорог. Его шерсть отликает серебром, а рог, витой как нить хорошей прядильщицы, толщиной с женскую руку, торчит прямо из лба. Грива его, подобная тончайшему шелку, спускается до самой земли, заплетенная в косы. А на спине его сидит девушка красоты неопишуемой, какой больше нигде на свете нет. Только раз в год приводит девушка своего единорога на водопой. Никто не знает, откуда она приходит и куда уходит, но известно... – Тут голос няни становился таинственней и глуше. – Если подкараулить странную наездницу в тот единственный день и накормить ее скакуна свежей травой с росистых лугов, она исполнит самое сокровенное твоё желание...

Илиен с сестрами, затаив дыхание, слушали рассказ, представляя, как однажды темной лунной ночью они покинут Иэраль, подойдут к водам Круглого озера, и там, на песчаном берегу, омываемом тихими водами, их будет ждать девушка на белом единороге.

И в самом деле, когда Илиен исполнилось тринадцать, она

и Июля сбежали из замка и отправились на поиски.

До озера они, само собой, не дошли. Нянька, пришедшая проверить детей, не найдя сестер в кроватях, подняла шум, и весь Иэраль бросился на поиски. Беглянок нашли, хотя сестры прятались как могли: они очень хотели видеть единорога и обоснованно полагали, что стражники к озеру их не поведут, а потащат домой, и шанс загадать желание сказочной красавице будет упущен. Так и случилось. Пойманных девочек привели в замок, где сама не своя от пережитого волнения мать оттащила их за ухо и где им к тому же пришлось полчаса выслушивать нотации отца. Но далеко не это расстроило беглянок. Няню в тот же день выслали из замка.

О девушке на белом единороге пришлось забыть.

Но теперь, спустя пять лет, глядя, как в ворота Холдстейна въезжает Июля, Илиен снова вспомнила эту историю.

Восседавшая на белой лошади, облаченная в белую заячью шубу до земли, сестра была похожа на призрачное видение. Она откинула капюшон, и летевшие с серого неба снежинки оседали на ее пепельно-русых волосах, волнистыми прядями струившихся до самого пояса. Легкий румянец от мороза играл на нежных щеках, светло-серые глаза глядели по сторонам с наивным восторгом. Июля первый раз выехала за границы Иэралья, и все ей было удивительно, все в новинку.

Сразу за сестрой на сером в яблоках жеребце ехал отец. Он почти не изменился с осени, когда Илиен видела его в

последний раз и когда он уехал в Ирвинделл собирать армию для ее мужа. Только морщинка меж бровей стала немного глубже, да седины чуть-чуть прибавилось. Но взгляд уже постарчески водянистых глаз оставался все таким же цепким, а руки, все в темных пигментных пятнах, по-прежнему крепко держали поводья.

За отцом следовал хорошо вооруженный отряд, и Илиен радостно вскрикнула: среди незнакомых воинов она увидела родное лицо. Лорд Улисс Драмл – вассал Теллина, веселый радушный человек, часто наезжавший в Иэраль из своего поместья на юге Ирвинделла и привозивший дочерям суверена то мед, то сладкое, пахнущее летом малиновое варенье – сопровождал отца. Здесь, в холодном замке Моэрала, где даже собственные служанки перестали быть ей близкими людьми, Илиен так приятно было видеть знакомого с детства человека!

Кадмэ, стоявшая возле невестки, отбросив назад черные с проблеском седины волосы, выступила вперед и сказала:

– Приветствую лорда Ирвинделла! Добро пожаловать, родственник!

– Здравствуйте, миледи. – Теллин спешил, небрежным движением передав поводья жеребца подбежавшему мальчишке. Потом так же небрежно подал руку Иоле. Та опустилась на землю как пушинка. – Леди Кадмэ, леди Арнелла, – обратился он к дамам, – это моя дочь. Иоля – младшая сестра Илиен.

И только потом, глядя Илиен прямо в глаза, сказал:
– Здравствуй, дочь.

Они поговорили по душам вечером, когда устроили лордов и целую сотню воинов, пришедших вместе с лордом Теллином, когда заснула Иоля, взхлеб рассказывавшая сестре, как изменилась жизнь в Иэрале после ее отъезда, когда окончился поздний ужин, организованный Кадмэ для гостей, и слуги убрали со стола. Теллин не захотел оставаться в большом зале у камина, и Илиен отвела отца в собственную спальню.

В очаге ярко горел огонь, и в комнате было тепло. С тех пор, как уехал Моэраль, покои претерпели ряд изменений, и теперь ничто в них не напоминало о былом присутствии мужчины. По стенам висели яркие вышивки, каждую поверхность в комнате накрывала узорчатая салфетка. В вазе на камине стояли засохшие цветы. Сама не отдавая себе в том отчета, Илиен, не находя покоя в душе, стремилась хотя бы к внешнему уюту.

Лорд Ирвинделл придирчиво оглядел комнату, но ничего не сказал.

– Присаживайся. – Илиен кивнула на удобное кресло, в котором обычно сидела за вышивкой. – Ты сюда надолго?

– Завтра уеду. – Теллин устроился поудобнее, протянул ноги к камину. – Илиен, я еду, чтобы присоединиться к твоему мужу.

– Но зачем? – удивилась Илиен. – Ты же дал ему армию! Отец, ты уже немолод, разве нужно тебе самому участвовать в войне?

– Г’аньше я думал, что нет, – вздохнул лорд, – поэтому отдал тебя замуж и уехал, поручил фойска Фаргиньону, помнишь его?

Илиен кивнула. Еще бы ей не помнить огромного, похожего на быка – только кольца в носу не хватает – Фаргиньона Ренса, заведовавшего войсками отца и замковой стражей. Она мельком видела его осенью, когда Моэраль готовился к выступлению. Но тогда она была занята собственными проблемами и не особенно вникала в другие дела.

– Но теперь, – продолжал Теллин, – обстоятельства изменились. Когда я давал Холдстейну фойска, у него союзников почти не имелось. Артейны были с ним, но возник риск скандала, Канторы не поддерживали, молчали Орпу, а на Вольные Княжества надежды не было никакой. Я был его самым сильным союзником и продолжаю им оставаться. Вот только фсе лорды, кроме меня, лично участвуют в походе на Сильвхолл, а значит, моими ресурсами пользуются, но выгоды мне от этого никакой нет. Понимаешь?

Илиен, весьма удивленная, что отец говорит с ней о мужских делах, помотала головой. Она понимала немного. Гораздо больше, чем политические вопросы, ее интересовал отец, чья речь стала значительно хуже за время, что они не виделись. При посторонних Ирвинделл следил за собой, вы-

говаривая каждый звук, лишь иногда звуча невнятно. Перед дочерью он расслабился. Илиен хотелось спросить отца о здоровье, но время было неподходящее. Она бы только разозлила его. Нужно было сидеть и слушать, раз уж Ирвинделл заговорил о важном.

Теллин огорченно вздохнул – в такие моменты он особенно сожалел об отсутствии у него сына – но терпеливо продолжил:

– Вот смотри, с Моэралем сейчас несколько лордов: Фардис Кантор – лорд-наместник; лорд Орпу – тоже наместник, еще не в армии короля, но, вне сомнений, скоро присоединится; лорд Сольер – сам не участвует в войне, стар, но послал двоих сыновей, которые, между прочим, заняли посты командиров. Ластар Артейн с сыновьями убит, но Моэраль, по всей видимости, подмял под себя его фассалов. Молодой Льесс тоже в армии Холдстейна. Каждая из земель, давших твоему мужу людей, имеет своего представителя – лорда, могущего на равных говорить с Холдстейном – кроме Ирвинделла. Фаг’геньон не лорд-наместник и не его сын. Всего лишь фассал, и его, в случае чего, Холдстейн слушать не будет. А твоего кузена я руководить войском не поставлю.

Илиен едва не фыркнула от смеха. Вальф Ирвинделл – ее кузен и будущий лорд Иэраля – не пользовался большой любовью Теллина. Суровый северный лорд считал своего приемника бесполезным юнцом, ничего не понимающим в управлении землями, и бесконечно скорбел, что такому че-

ловеку достанется его кресло. Небеса бы содрогнулись, если бы Теллин отдал Вальфу руководство своей армией!

– Так вот, – уловив веселье дочери, тоже усмехнулся Ирвинделл, – получается, в случае чего, мы останемся в стороне. Убит Каллье – кто окажется на его месте? Оставит ли Моэраль приемником сына Ансельма? Или разделит захваченные земли между союзниками? Как бы то ни было, интересы Иэраля некому соблюсти. Вот из-за этого, Илиен, я и поеду на войну.

Илиен только вздохнула. Она мало поняла из рассуждений отца, но ясно усвоила – еще один дорогой ей человек будет подвергать жизнь опасности. Зачем эта война? Кому она вообще нужна?

Она не знала ответа. Политика для нее была пустым звуком, и ей не вполне ясно было, зачем Моэралю сражаться за корону, которая по завещанию все равно должна принадлежать ему.

Но озвучивать свои мысли она, само собой, не стала. Как она не понимала отца, так и он не понял бы ее.

Совсем другое дело – сестра.

Когда лорд Теллин ушел от дочери, в комнату выюнком проскользнула Июля. С распущенными волосами, одетая в длинную ночную сорочку – до самого пола, – она походила на выходца из склепа. И ноги у нее, когда она забралась в постель к Илиен, тоже оказались как у выходца из склепа – ледяными.

– Ух, холодрыга. – Поежилась она, нырнув под одеяло. – Холодней, чем дома. Как ты здесь живешь?

– Помаленьку. – Илиен улыбнулась, крепко прижимая к себе сестру и согревая теплом собственного тела.

– Не понимаю. Я б тут и дня не протянула. Одни леди Кадмэ и Арнелла чего стоят...

Илиен кивнула. Леди Кадмэ и ей поначалу показалась строгой и неприступной женщиной, которой, впрочем, и являлась, и молодой королеве можно было только радоваться, что мать мужа в итоге оказалась на ее стороне. Если бы случилось иначе, Илиен не знала, как смогла бы жить в Вантарре.

С Арной было сложнее. Сестра короля, похожая на него до чрезвычайности, жила сама по себе, ни с кем из замка особенно не общалась и никого до себя не допускала. Жена брата не стала для нее исключением – Арнелла мило улыбалась ей, поддерживала разговор, если Илиен сама его начинала, во всех других случаях либо сидела молча, либо уходила к себе. По слухам, единственной ее подругой была Далая Кантор, но в последние годы Далая в Вантарре не появлялась. У простолюдинов за юной принцессой закрепилось прозвище «Дичок» – как нельзя более ей подходившее. Дичком называли яблоню, дававшую мелкие кислые яблоки и плохо приживавшуюся в садах с более благородными сортами.

Но, конечно, просвещать сестру об особенностях характеров членов семьи Холдстейн в первый же день ее пребы-

вания в замке Илиен не стала.

– Они хорошие, тебе понравятся, – только и сказала она.

Июля, по всей видимости, не очень-то поверила старшей сестре, но промолчала, поудобнее уюстилась в складках теплого пухового одеяла, и только тогда спросила:

– А твой муж?

Королева взглянула на сестру. Глаза ее блеснули как у хитренькой лисички, и Илиен приуныла. Июля, если захочет, из кого угодно что угодно может вытянуть, так всегда было.

– Он тоже хороший, – осторожно ответила Илиен.

– Да я не об этом. – Июля заворочалась и села. – Он какой? Добрый, ласковый? Любит тебя? А дети? Ты уже беременна?

Илиен только покачала головой. Сестра невольно растревожила ее, задела саднящее место.

Заметив, как опечалилась Илиен, Июля и сама расстроилась. Некоторое время девушки молчали, потом старшая спросила:

– Ты сама попросилась поехать с отцом?

– Нет. – Июля расстроено вздохнула. – Я, конечно, хотела тебя повидать, но увезли меня считай что силой. Отец сказал, я буду жить у тебя.

– Да ну?! – удивилась Илиен. – А мне ничего не сказал.

– Наверное, решил – сама догадаешься, не на войну ж мне в самом деле с армией ехать, – пожала плечами сестра. – Он хочет, Илиен, чтобы ты выдала меня замуж.

– За кого?! – опешила Илиен. – Все же ушли на войну!

– Он говорит, ты королева, и у тебя должен быть свой двор, значит, вокруг тебя должно крутиться много всяких молодых людей из хороших родов. Среди них и мне жениха можно найти. Илиен. – Июля стала серьезнее. – Мне кажется, отец всех нас решил пристроить... Ты же понимаешь, он идет на войну, и мало ли...

Глаза девушки наполнились слезами, и Илиен торопливо прижала ее к себе, утешая. Но в словах Июли была суровая правда, и от этого было горько. Лорд Теллин действительно не вечен...

– Расскажи мне, – внезапно потребовала Июля. – Все-все расскажи о замужестве! Как ты выходила замуж? Мне так хотелось на это посмотреть! Ты была красивая, отец говорил, и ты надела то самое желтое платье, которое разрешила вышивать Анжеле! Помнишь, она еще по подолу жемчуг криво нашила, мама отпарывала и ругалась? Ну, Илиен, расскажи! О свадьбе и о том, что... ну... потом бывает... – Глаза девушки, нетерпеливо-ждущие, оказались совсем близко к Илиен.

А Илиен в очередной раз почувствовала, как в тоске сжалось сердце. Что она, в самом деле, могла рассказать сестре? Может быть, она должна была сказать ей, как радостно выходить замуж, и как кошмарно потом узнавать, что женились на тебе по необходимости? Рассказать, каким кошмарным может быть то, что происходит между супругами, когда наступает ночь? А рассказать, каким сладким это может

быть... разве можно говорить о таком с невинной девушкой, растравливая ее не вполне еще созревшую чувственность?

С другой стороны, в свое время с Илиен никто об этом не говорил, и вот что получилось...

– Тебе не нужно ничего бояться, – сказала она сестре. – У тебя все будет хорошо. Я расскажу тебе обо всем, когда ты будешь выходить замуж, но не сейчас – слишком рано. А у меня все замечательно. Мой муж... – Илиен на мгновение задумалась. – Он старается быть справедливым, старается не обижать меня. Просто он мужчина, Июля, а они совсем, совсем другие...

Лорд Теллин уехал, а Илиен поспешила последовать его завуалированному совету, переданному через Июлю. Она ведь и в самом деле королева, а значит, ей требовался свой двор. Нужны были фрейлины – как юные, уже на выданье, девушки, так и совсем маленькие девочки, которым при королеве можно дать соответствующее воспитание; нужны юноши – среди которых летом можно будет провести турнир; нужны поэты и музыканты. Илиен понимала, что свита северной королевы никогда не превзойдет свиты королевы, сидящей в Сильвхолле, и тем не менее с энтузиазмом отнеслась к этой затее.

Которая, впрочем, практически провалилась.

Первое письмо с предложением приехать в Холдстейн отправили Далае Кантор, и Илиен не сомневалась – подруга

Арны не замедлит приехать. Каким же было ее удивление, когда она получила вежливый, но категоричный отказ. В самых приятных выражениях Далая сообщала, что была бы рада присоединиться к свите ее величества, но брат, ушедший на войну, оставил замок на ее попечение, в связи с чем Далая не может оставить Кантор ни на день.

Илиен расстроилась. Немного приободрил ее приезд двух старших дочерей лорда Орпу – двух пухлых девиц с унылыми лицами. Но Арна как-то упомянула, что, заведев их, коровы сразу дают простоквашу, и королева с сожалением согласилась. Такие фрейлины не столько привлекают мужчин к ее двору, сколько оттолкнут. Гораздо больше порадовала дочь лорда Сольера – милая девчушка девяти лет. Илиен сразу же пообещала себе воспитать ее настоящей леди. Таким образом, женская часть двора королевы в итоге состояла из четырех девушек, считая Иолу.

С мужской частью тоже оказалось негусто. Вся краса и гордость севера ушла на войну, и в распоряжении королевы оказались кузены да младшие сыновья, оставшиеся дома. На зов королевы явился племянник лорда Сольера, приехал, сопровождая сестер, один из сыновей Орпу, и – что Моэраль счел бы благоприятным знаком, поскольку лорды этих земель не вполне еще определились, кому же принадлежит их верность – приехало двое молодых лордов из Кэхольда и Ульрья. Последним Илиен радовалась как дитя: красивые мужчины двадцати двух – двадцати трех лет, похожие

друг на друга как близнецы, стали жемчужинами ее двора. Впрочем, сестра мужа не разделяла ее радости. Едва взглянув на милордов, Арна презрительно фыркнула: «Вертопахи!» и ушла, только грива смоляных волос взметнулась. Но Илиен не прислушалась к ее словам, списав все на расстроенные чувства Арнеллы, связанные с Далаей Кантор.

Кадмэ совершенно равнодушно отнеслась к гостям, впрочем, вполне одобрив затею невестки.

– Твой отец прав, ты теперь королева и должна вести себя по-королевски, – сказала она. – А королеве положено иметь двор. Нужно показать этим Сильвбернам, что мы можем быть не хуже их.

И в голосе матери Моэраля не слышалось ни малейшего сомнения в собственных словах.

Иоля разделяла радость сестры. Воспитанная в тех же строгих традициях, что и Илиен, она изумлялась тому, как ее жизнь поменяла свое течение. Неизбалованная мужским вниманием, она расцветала под взглядами юношей, а те вились возле нее, как пчелы у цветка. Особенно отличился в этом плане Ададь Кэхольд. Впрочем, и его друг, Ниелис Ульрьк, не шибко отставал. Илиен приглядывалась к обоим, но почему-то именно Ададь казался ей более подходящим мужем для сестры.

Иоля с ней соглашалась.

Вардис

Воздух пах морем.

Он ни разу не видел море, но почему-то знал, что запах именно морской. Насыщенный и влажный, насквозь пропитанный гнилью водорослей и терпким ароматом соли. Запах был теплым, тяжелым, густым как гуляш.

Вокруг был лес. Причудливая невообразимая чащоба. Он шел по нему, а по обе стороны поднимались огромные красно-коричневые стволы, заслоняющие небо, с них свешивались длинные изогнутые листья разной ширины, алые и ярко зеленые. Когда листья колыхались, из-под них клубами выползал мареновый туман.

По всему телу тек пот. Из-за этого пота Вардис казался себе толстым лоснящимся угрем. Угрем он проскальзывал между лиан, его тело ножом вскрывало мглу под ними, и наконец он увидел небольшой кусочек свободного пространства. Там тек ручей, и отблески на воде больно кололи глаза. В воде плавали рыжие лианы, отливающие медью, и Вардис сразу понял – это волосы Иши. Иша лежала в ручье, и она была мертва.

Он пошел дальше, думая, что где-то тут, совсем близко, должна быть Далая. Но везде он натыкался только на отрубленные головы Эрея. Брат превратился в многоголовую гидру и преследовал его.

Потом мир вокруг стал прозрачней и пронзительней, и Вардис услышал голоса. Они тревожили, потому что их не должно было быть среди влажного безмолвия леса. Но голоса были, и он стремился уйти подальше от них, потому что они мешали искать Даллу. Чем громче звучали голоса, тем дальше она оказывалась.

Из-за этих голосов он обречен вечно бродить вокруг ручья, в котором вода колышет волосы Иши.

Где его ожидает *чудовище*.

Он рванулся сквозь заросли красных и зеленых листьев, и вырвался на волю. Свет затопил пространство вокруг.

Вардис почувствовал боль в глазах и моргнул. Когда он снова их открыл, то увидел над собой потолок. Над ним склонились люди: один – с хорошо знакомым лицом, второй – молодая девушка, которой он не знал.

Он пришел в себя.

Его рука болела до сих пор, особенно сильно если приходилось ею пользоваться: одеваться, например, держать щит, править конем. Но он был благодарен, благодарен этой боли, потому что она напоминала, каким дураком он был.

Лекарь сказал, тревожить руку нельзя. Укус волка не внес в плоть человека заразы, человек сам сделал это, размяв подзажившую рану. Холод помешал быстрому загноению, но не спас Вардиса от горячки из-за попавшей в кровь дряни. Лорд Кантор две недели провалялся в постели, страдая от жара.

Он не запомнил, как пришел в себя в первый раз, помнил только ощущение чего-то потустороннего и пугающего, оставшегося позади, но никогда не забудет второго пробуждения. Тогда он долго убегал от кого-то, рыщущего во тьме, идущего по его следам. Потом он ощутил падение, а спустя мгновение почувствовал свое тело — все от и до, от кончиков волос до кончиков пальцев ног. Открыл глаза. Поверхность под щекой была белой, и он застонал в отчаянии, понимая, что это снег, белый снег, и он лежит на нем, на том бескрайнем поле, которое не сможет преодолеть. А потом понял, что лежит на снегу совсем голый, и снег укрывает его, и снег этот... теплый. И рядом суется девушка, красивая мягкая девушка, приятно пахнущая травами, и ее ласковые руки обтирают его влажной губкой, и ее воркующий голос что-то говорит ему. Эта девушка навсегда стала одним из его самых любимых, самых важных для него воспоминаний, хотя он даже не узнал, как ее зовут. Это было совершенно ни к чему.

Лекарь настаивал, что Вардис должен лежать в постели до полного выздоровления, не беспокоя руку, но тот не послушался. Хватило уже тех долгих дней, когда он метался в бреду, терзаемый снами, которых не мог вспомнить. Дела королевства не могли ждать, да и к тому же, он сильно сомневался, что бездействие полезно для руки. Она должна была оставаться такой же крепкой и сильной, как до ранения, поэтому ее следовало разрабатывать. Чем Вардис и занял-

ся, едва лишь немного срослась израненная плоть. Поначалу сильная, с трудом переносимая боль чуть не заставила его отказаться от этой затеи, но лорду Кантору упрямства было не занимать, и несчастное тело смирилось. Рука болела, конечно, но повиновалась беспрекословно.

Лорд Орпу суетился над раненым Вардисом, как клуша над цыпленком. Именно он первый переполошился, узнав, что Вардиса нет в замке, он же отправил на поиски несколько отрядов. Даже собственные вассалы Кантора не проявили такой прыти, и Вардис взял себе на заметку припомнить им это. С другой стороны, опасения Орпу были понятны: суровый король севера наверняка вынул бы из лорда душу, не выживи Вардис. По распоряжению Орпу к Моэралу отправили голубя с соответствующим известием, но имелись сомнения, что король получил письмо. Во всяком случае, ответа пока не было, а слуга с голубятни честно предупредил Вардиса, что зимой птицы часто гибнут от холода, и почта теряется.

Еще одно письмо ушло в Зубец, и Вардис провел немало неприятных минут, представляя, как ведет себя Далая, узнав о его состоянии. Очень хотелось надеяться, что не молит богов о его смерти.

Впрочем, от нее можно ожидать чего угодно.

Поэтому, едва толком придя в себя, он накропал сестре длинное послание, в котором сообщил о своем здравии. Вторым он написал Моэралу.

Пока лорд Кантор валялся в беспомощности, лорд Орпу сде-

лал свое дело. Возможно, его впечатлили известия о победе Холдстейна над приречными лордами, возможно, он сам пришел к наиболее правильному для себя решению, но теперь стремился всеми силами поддержать Моэрала, и на подмогу королю готовилось отправиться четыре сотни хорошо вооруженных воинов: полторы сотни конников, две с половиной – пехотинцев, а также сотни три ополчения. Лорд лично намеревался следовать с войском, оставляя свои земли на старшего сына. Младшего он поначалу хотел взять с собой, но по неизвестным Вардису причинам отправил в Вантарру вместе с двумя сестрами (весьма непривлекательными молодыми девицами, не раз бывавшими в Лисьем Зубце). Впрочем, Вардис по этому поводу ничуть не сожалел: парень нравился ему не больше его сестер и казался туповатым.

Так или иначе, а армия подготовилась, и медлить было нельзя. Поэтому в письме Моэралю Вардис написал о выступлении к Речному Приюту.

Когда король севера выступал на Каллье, он спешил, и путь его от Зубца до замка предателя напоминал своей прямоотой стрелу. Торопясь покарать Ансельма, Моэраль не гнушался гнать войска по бездорожью и, таким образом, покинув земли Кантора, наискосок миновал земли дружественного Сольера, где к его армии примкнули братья Эмунд и Эстан со своими отрядами. Он прошел по самой границе Ирвинделла и Ульрья, и после этого вторгся в Каллье, оста-

вив в стороне сам Ульрьк, чей лорд пока не проявил к делу Холдстейна особой лояльности, что выражалось во множестве посылаемых с птицами обещаний и в отсутствии реальных войск, а также Кэхольд, чья позиция в войне оставалась неясной. Преследуя интересы своего короля, Вардис решил по пути в Приречье заглянуть туда.

Его дорога проходила по границе земель Ирвинделла и Сольера. Лорд Иэраля и отец Эмунда с Эстаном были добрыми соседями, и дороги у границы были добротными и ухоженными. Вардис провел по ним свою армию в шесть дней. На ночевку останавливались в приграничных деревнях, где кормились за счет местных.

На седьмой день, миновав небольшой лесок, войско Вардиса вышло в Ульрьк.

И Кэхольд, и Ульрьк не отличались особым богатством. Небольшой по размеру Ульрьк, зажатый между Каллье, Ирвинделлом и Вантаррой (если не считать тонкой прослойки земель Сольера меж ними), жил за счет торговых пошлин, взимаемых с купцов, шедших торговать от речного порта Каллье к Иэралю и Холдстейну. Торговля была не то чтобы оживленной – вместо того, чтобы снабжать товарами угрюмый север, купцы предпочитали направлять свои телеги на запад, юг, на восток, где раскинулись богатые земли лордов-советников, в крайнем случае – в Приречье. Так что можно было только представить, как сложно было лорду Ульрька наполнять сундуки.

Немного Ульрьку помогал Каллье. Богатый за счет ловли рыбы в Муоре, лорд Каллье также отправлял свой свежайший товар дальше на север через территорию соседа, с чего Ульрьк имел прибыль, которая, пожалуй, была его единственным стабильным источником дохода. Земля родила плохо и отличалась редкой даже на севере скудостью.

Лорд Аренмар – нынешний лорд-наместник Ульрька – оставался наместником лишь по старой памяти. Когда-то и для этих земель были хорошие времена. Теперь же все понимали: недалек тот день, когда Ульрьку придется стать чьим-либо вассалом. При отсутствии золота в казне сохранять независимость слишком сложно.

Впрочем, насколько Вардис помнил наследного лорда, гонора у лордов Ульрька хватило бы и на короля.

Кэхольд был чуть побогаче своего совсем уж нищего соседа. Его земли также использовались Каллье для доставки рыбы на территорию Артейна, кроме того, подходящий вплотную к самым горам, Кэхольд имел несколько каменоломен. Через его территорию проходил приток Муора (по которому, как подозревал Вардис, в Каллье были привезены пленные леди Артейн), но местный лорд то ли был слишком уж невезуч, то ли недостаточно смекалист, но приспособить реку для своих нужд в Кэхольде не смогли.

Сколько Вардис помнил себя, несчастный лорд Эсхор Кэхольд то и дело разрывался в своих пристрастиях между Артейном и Каллье, однако в последнее время больше склоня-

ясь к Каллье. Кантору очень не терпелось проверить, остался ли лорд верен Ансельму Каллье теперь.

Лорд Аренмар Ульрьк встретил армию Вардиса в восьми часах езды от собственного замка. Он боялся, и честно пытался это скрыть, но чужой страх притягивал лорда Кантора, как собаку запах свежего мяса, и он просто не мог не почувствовать смятения бедного соседа.

Ульрьк приехал на весьма приличной лошади – гнедой с подпалинами. Возможно, это была самая лучшая лошадь на его конюшне. Почуяв запах незнакомой кобылы, Выюнок Вардиса жадно потянулся к ней, и та, напуганная прытью жеребца, дернулась, пытаясь отскочить. Ульрьк пошатнулся в седле и, разозленный тем, что собственная лошадь позорит его перед Кантором, с силой хлестнул гнедую по крупу. Кобыла вздрогнула, испуганно ржанув, и теперь навстречу ей потянулся уже боевой Вихрь, до этого послушно следовавший на привязи. Его, как и хозяина, тоже влекли чужие страдания.

– Здравствуйте, милорд. – Вардис шутливо поклонился прямо в седле. – Какая у вас невоспитанная лошадь!

– Рад приветствовать вас на моих землях, милорд, – ответил Аренмар. – Лошадь очень молода, вот и пугается. Что привело вас в Ульрьк?

И он обреченно уставился на Вардиса. Кантор мысленно усмехнулся – бедный Ульрьк надеялся, что армия северного

короля оказалась в его землях проходом. Даже жаль было его разочаровывать...

– Насколько я помню, королем Моэралем к вам направлялся приказ относительно сбора войск для армии в грядущей войне. Впрочем, почему грядущей? Война началась... А ваших войск, милорд, так никто и не увидел. Так что можете считать, я приехал с проверкой от имени Холдстейна.

Ульрк побледнел. И без того не одаренный крепким здоровьем, худощавый, строением тела напоминающий огороженное пугало – не тело, а какое-то изобилие палок в тряпках – теперь он и вовсе стал выглядеть как покойник. Его стража, сгрудившаяся за спиной лорда, недоуменно лупала глазами, не понимая происходящего.

В Ульрке явно никто не готовился к войне.

– Что такое, милорд? – ласково улыбнулся Вардис. – Я чем-то вас расстроил? Бросьте, отдайте в мое распоряжение собранных вами людей, и я даже не буду заходить в ваш замок.

Ульрк немного помолчал.

– Мои войска еще не собраны, лорд Кантор.

– Что ж... – Вардис был сама учтивость. – В таком случае, в ваш замок нам все-таки придется заглянуть.

Родовой замок Ульрка – Одинокий камень – производил гнетущее впечатление, и Вардис даже удивился: стоило ли прилагать столько усилий, мчаться навстречу чужой армии, чтобы попытаться не допустить нежданных гостей до этого,

с позволения сказать, вороньего гнезда. Воронье гнездо – именно это название больше подходило строению, представшему теперь перед Вардисом.

Замок когда-то был красив. Об этом свидетельствовали останки глубокого рва, теперь осыпавшегося и пересохшего, две уцелевшие башни из светло-серого камня, понизу поросшие зеленоватым мхом, местами обрушенная стена внушительной толщины. Все остальное лежало в руинах. Или Вардис чего-то не понимал, и неведомый мастер, проектировавший строение, не запланировал никаких оборонных сооружений с северной и западной сторон.

Подвесной мост сгнил и осыпался в ров, и теперь, чтобы подойти к воротам, приходилось спуститься в небольшую ложбину, миновав при этом грязноватые крестьянские хибары. Крыши их устилала прошлогодняя солома, местами весьма побуревшая, что и давало сходство замка с вороньим гнездом – стебли соломы так же неряшливо торчали из крыш, как веточки из гнезда. К стыду лорда Ульрьяка такую же знавшую лучшие времена солому Вардис углядел на крышах башен замка.

И такой же соломой были заткнуты дыры в некогда неприступной стене.

Стыд и позор. Многие вассалы Кантора жили гораздо лучше.

Лорд Аренмар и сам, по всей видимости, испытывал стыд за родовое гнездо. Все время, пока они ехали к Одиноко-

му камню, он потерянно молчал, только при приближении к замку немного оживился. Но вид Вардиса, кисло взиравшего на жильё соседа, вновь вверг его в уныние.

Стража на воротах носила старые разрозненные доспехи, местами настолько сильно изъеденные ржавчиной, что их было рискованно чистить – где-то ржавчина полностью заменила собой металл, и усердный чистильщик рисковал вместо кирасы получить решето. Вид у стражников был откровенно голодный, и Вардис с сомнением подумал, будет ли Моэралу толк от таких вояк. Представив себе две-три сотни несчастных оборвышей, Кантор совсем пал духом.

Махнув лорду Орпу, чтоб распорядился поставить лагерь за пределами замка, он вступил под осыпавшиеся своды, надеясь, что боги не изберут именно этот момент как наиболее подходящий для его смерти, и часть стены над воротами не обрушится от старости ему на голову.

Двор, открывшийся взгляду, был занесен снегом, нечищеным по крайней мере два дня. Посреди двора стоял приземистый донжон, уныло глядевший на мир заколоченными окнами.

– Сильные холода стоят, милорд, – словно извиняясь пробормотал Ульрьк, и Вардис понял: у лорда нет денег, чтобы вставить в окна стекла.

Даже не хотелось представлять, чем здесь могут накормить на ужин.

Но, несмотря ни на что, Вардис все же ответил согласием

на предложение Аренмара остаться под его кровом. Еще не вполне зажившая рука предпочитала холоду походного шатра тепло очага, и Вардис не желал ее расстраивать. Впрочем, комнату, куда его поместили, с большой натяжкой можно было назвать теплой: несмотря на разоженный в камине огонь, она упорно сохраняла промозглую стужу давно непротапливаемого помещения, а по полу ощутимо гулял сквозняк. Единственное окно в комнате – как и везде в донжоне – было надежно заколочено, и помещение освещалось сальными свечами, дававшими неприятный запах и тусклый свет. Ковер посреди пола не придавал комнате уюта, лишь подчеркивал ее убогость. Единственные положительные эмоции вызывала широкая кровать с чистым, пахнущим луговыми цветами бельем.

За эту кровать Вардис готов был многое простить Ульрьку.

Спускаясь в общий зал к ужину Вардис все еще опасался, что непременно чем-нибудь отравится, но еда оказалась второй приятной неожиданностью. Умело приготовленная птица окончательно примирила его с суровой действительностью быта Ульрька. Впрочем, ничуть не смягчив нрав.

– Мы, кажется, говорили о ваших войсках, милорд.

Ульрьк вздрогнул, капля подливки упала ему на камзол, но лорд этого даже не заметил. Дочь лорда – неброско одетая худощавая девушка, до этого сидевшая потупившись, – недоуменно взглянула на отца. Невозмутимость сохраняла

только жена Ульрька – миловидная пухленькая женщина, судя по ее виду, ничего не понимавшая в затеваемом разговоре. Сын лорда за столом отсутствовал.

– Я пока еще не начинал сбора, милорд...

Ульрьк так тихо пробормотал эти слова, что Вардис с первого раза даже не расслышал, и Ульрьку пришлось повторить. Что ж, это известие не удивляло. В конце концов, ему пришлось пережить неприятное приключение в Орпу, две недели проваляться в беспамятстве, чтобы к его армии присоединилось семь сотен человек. Никто из благородных лордов не желал давать Холдстейну людей просто так.

Но Вардис умел говорить с позиции силы.

– Вы не получали приказа его величества, милорд?

– Получал, но...

– Но? Вам приказывает король! Король, который уже одержал три победы, без вашей – обратите на это внимание – помощи! Вам приказывает король, а у вас есть какие-то «но»? Милорд, может быть, вы не признаете Холдстейна?

Голос Вардиса стал вкрадчивым. Так говорила бы кошка, уговаривающая мышь выглянуть из норки. Что бы лорд Ульрька не думал о праве Моэраля на престол, ответ его мог быть только один.

– Я поддерживаю Его Величество Холдстейна, милорд.

Вардис насмешливо улыбнулся.

– Чем, позвольте узнать?

Ульрьк смешался. Он выглядел таким слабым, нищим, та-

ким жалким в своем лучшем камзоле, пошитом не менее года назад. Он очень, очень отличался от собственного сына, ведшего себя так, словно ему принадлежит весь мир...

– Где ваш наследник, милорд?

– В Вантарре, – рассеянно ответил лорд. Он настолько погрузился в размышления о грядущей судьбе, что даже не обратил внимания на резкий тон Вардиса.

В Вантарре... сын и дочери Орпу тоже отправились в замок Моэраля.

– У Илиен? – Вардис попытался не выглядеть удивленным.

– Да, лорд Кантор. – По всей видимости, Ульрьк начал понемногу приходить в себя. – От ее величества пришло письмо, она приглашает молодых людей и девушек в Холдстейн. Ниелис решил, что обязан поехать, и я согласен с ним.

Вардис кивнул. Ну конечно, самовлюбленный наследник Аренмара не мог упустить возможность покрасоваться при дворе, пускай даже это пока и двором-то назвать нельзя. Зачем идти воевать, рискуя жизнью, если можно вкусно есть, сладко пить, вращаться в обществе королевы и молоденьких фрейлин? Смазливый Ниелис все верно рассчитал – единственный сын обнищавшего отца, приблизившись к Илиен, мог неплохо устроиться.

– А почему леди не поехала? – спросил Вардис у дочери Ульрька.

Девушка смешалась и покраснела. За нее ответил отец.

– Мы посчитали, что одного представителя нашего рода при дворе ее величества будет достаточно.

Ну конечно. В первую очередь следовало устроить жизнь наследника. Если все сложится у будущего главы рода, его сестра сможет рассчитывать на лучшую партию. Ульрьки, пожалуй, все оставшиеся средства вложили в наряды Ниелиса, чтоб он не опозорился при дворе. Сделать нормальный гардероб обоим детям им явно не под силу.

Вардис пристальней взгляделся в дочь лорда. Обычная милостивая девушка, испорченная излишней худобой, ничего особенного. Он снова обратился к лорду:

– Так на чем мы остановились? Мы, кажется, говорили о вашей армии, милорд?

Ульрьк тяжело вздохнул. Он чувствовал себя молокососом по сравнению с этим наглым богатым лисом – нынешним лордом-наместником Кантора, – хотя в отцы ему годился, и это унижало. Он устал уклоняться от неприятного разговора и начал понимать, что Вардис просто так не отступится. Он поглядел правой руке северного короля в глаза и честно ответил:

– У меня нет войск, милорд. Из-за нехватки средств я распустил армию год назад. В моем распоряжении только замковая стража. Если вы заберете их, Одинокый камень завтра же достанется разбойникам.

Такого Вардис не ожидал. На что надеялся этот обнищавший лорд?! Утрачивая войско, пусть даже в сотню человек,

благородный лорд с легкостью становится добычей не то что соседей – собственных вассалов!

– О чем вы думали, милорд?

– О чем? – не выдержал Ульрьк. Накапливаемое с момента приезда Вардиса волнение прорвало наконец плотину его спокойствия. – О чем?! Милорд, я владеец нищих земель! Мне не на что содержать людей. Их надо кормить, одевать, дать им оружие, лошадей. Где взять золото на это?! В моей казне лишь клочья пыли, в ларях моих крестьян сдохли мыши! У моих вассалов дела не лучше, и мне доподлинно известно, что один из них уже официально причисляет свои земли к землям Кэхольда. Но я никак не могу на него повлиять! У Кэхольда в войсках не одна сотня человек! А у меня... замковая стража. – Последние слова лорд произнес с неприкрытым отвращением.

Вардис не знал, что на это сказать. Он не помнил, чтобы Кантор когда-нибудь настолько нуждался в деньгах. Вот ведь как бывает...

– Если сын не найдет подходящей партии, мне самому придется стать вассалом, – устало добавил Ульрьк. – Благородство рода, оно ничего не значит, когда нет денег. Я думал пойти под крыло Каллье... еще до войны. Теперь уже не знаю.

И глядя на обреченное лицо лорда, Вардис отчетливо понял: здесь он ничего не получит. Не может же он, в самом деле, забрать замковую стражу, оставив без охраны этот оплот

нищеты!

В какой-то момент он даже мысленно пожелал успеха Ниелису, в чем бы там его план ни заключался.

Моэраль

Снег завалил все вокруг. Внутренний двор замка чистили каждое утро, но к вечеру нарастали новые сугробы.

Поначалу снег валили за стену, потом Моэраль вышел прогуляться и с раздражением отметил, что в случае чего Речной Приют даже не придется особенно штурмовать: еще пара таких уборок, и враг просто зайдет в замок по сугробам как по дороге. Так что уже через час после прогулки короля пехотинцы, вооруженные лопатами, с руганью работали над результатами многодневной деятельности слуг. Зато уже к следующему утру образовавшиеся сугробы откочевали в лес, а замковые стены поднялись на прежнюю высоту.

Ожидание затянулось. Поначалу Моэраль полагал, что войско остановится во владениях Смони на пару дней, но прошла уже неделя, а Вардиса все не было, а значит не было и возможности покинуть замок. Каким бы уверенным в собственных силах ни был Холдстейн, он все же понимал: его людей не хватит для похода в Сильвхолл.

Моэраль волновался. Задача друга была ясна: навести порядок в Канторе, пройти сквозь земли Орпу, походя пнув местного лорда на сторону нового короля, и пойти на соединение с основной армией. Все вроде бы просто. Но Вардиса все нет и нет, и, скрепя сердце, Моэраль отправлял в Зубец уже второго гонца.

Написал Моэраль и в Вантарру. Письмо было адресовано Илиен, но король не сомневался: Кадмэ и Арна тоже его прочитают. Моэраль не скучал по жене и не стал лгать о своих чувствах на бумаге. Он кратко просил Илиен позаботиться о его подданных, напомнил о необходимости привлечь под его руку сомневающихся. На этом король, поразмыслив, поставил точку.

Воины маялись от безделья. Помимо уборок снега в Речном Приюте не было других развлечений. Снегопады делали охоту безнадежным делом, женщины – все те же, что неделю назад – наскучили, хотя поначалу от внимания изголодавшихся мужчин страдали даже благородные леди. У покойного лорда Смони не было дочерей, и Моэраль не раз благодарил за это благодеяние богов: он уже утомился окорачивать рыцарей, благосклонно поглядывавших в сторону тетки лорда – сухой желчной особы, впрочем, высоко ценившей собственную честь и не устававшей бегать к королю с жалобами на ретивых поклонников – так как бы он смог защитить невинность юных девушек?

Смущал Моэралья и лорд Риалан. Несмотря на тяжелое протекание болезни, с каждым днем становилось все очевиднее, что юноша поправится, а значит, все ближе день, когда придется призвать его к ответу – поддержит новый Приречный лорд короля севера или нет. Моэралю очень не хотелось наступления этого дня: юноша нравился ему. Вопреки всей твердолобости Риалана, король не желал его казнить.

Ежедневно Холдстейн поднимался в спальню, где томился в заточении больной. И каждый раз, когда бы он ни приходил, юноша встречал его настороженно.

Так было и в этот раз.

Когда Моэраль зашел, Риалан Смони, сидевший у окна, медленно повернулся к двери. Болезненная бледность понемногу оставляла его лицо, свидетельствуя об отступлении недуга, но юноша все равно выглядел слабым.

– Вам не надоело мое общество, лорд Холдстейн?

– Можете считать, что я развлекаюсь им, Риалан. Как ваше самочувствие?

– Пришли удостовериться, что я готов к казни?

– Не надо меня раздражать, все равно не получится.

Под пристальным взглядом пленника Моэраль прошел через всю комнату и сел в кресло у небольшого письменного стола. Подумал, не закинуть ли ноги на стол, но решил этого не делать: его превосходство над юным Смони и так было очевидным.

– Вы думали над моим предложением, Смони? Думали присягнуть мне?

– Признаться, я много передумал за последние дни, лорд Холдстейн.

– И?

– Могли бы вы пойти против воли собственного отца?

Испытующий взгляд пронзительных голубых глаз. С этими ясными глазами, с тонкими светлыми волосами лорд Ри-

алан был похож на ребенка. И, как ребенка, Моэралу очень не хотелось его обижать. Но он хотел получить верность лорда и готов был взять ее силой.

– Мы с вами в разных ситуациях, Риалан. Во-первых, я не могу знать, какого мнения мой отец о моих поступках, – его уже давно нет в живых, – но верю всем сердцем, что он видит: мое дело правое. Ваш отец однозначно высказал свое мнение, выступив с войском против меня. Но поймите, Риалан, это вовсе не значит, что он желал бы теперь, чтобы вы так же поступали. Это политика, милорд, каждый делает ставку, кто-то выигрывает, кто-то проигрывает. Ваш отец поставил не на того и проиграл. Не думайте, что его поступки были обусловлены верностью Сильвберну, просто лорд Смони – о нет, только не надо так смотреть на меня – лорд Смони не видел выгоды поддерживать меня. Можно сказать и более грубо: он выступил против законного короля, назначенного волей усопшего Таера, поскольку удобнее было поддержать узурпатора. Вы думаете, он готов был умереть? Я так не считаю. И уж тем более – никогда не поверю, что он предпочел бы видеть вашу голову на пике, а ваш замок в руках чужаков, лишь бы Линель сидел спокойно в своем серебряном дворце.

– Мой отец предпочел бы видеть меня в гробу, нежели поступиться честью, – промолвил Риалан.

– Его честь уже пострадала: он поднялся против законного короля.

– Он поддержал законного короля...

– Риалан, весь этот треп больше присущ законникам, нежели благородным лордам. Ответьте сами себе на вопрос: может король по своему усмотрению назначить преемника или нет, и действуйте исходя из полученного результата. Но только учитывайте – в случае отрицательного ответа вам предстоит подготовиться к встрече с палачом.

Прошло еще несколько дней, и Моэраля уже начали одолевать сомнения, не стоит ли выступить, не дожидаясь Вардиса, когда пришло долгожданное письмо.

«Мне жутко не повезло в гостях у Орпу, – писал лорд Кантор, и Холдстейн словно вживую слышал его желчный голос. – Я попал в переделку и приличное время провалялся в кровати. Одни боги знают, получил ли ты какие-либо известия от моих оболтусов. Голуби от холода мрут как мухи, вполне возможно, то, что ты читаешь сейчас – первое из дошедших до тебя писем. – Вардис был прав, так и было. – Я иду на соединение с твоей армией, рассчитывая застать тебя в Приречье. Если будешь уходить, сообщи».

Как всегда кратко и лаконично – Вардис только ругаться любил пространно, – но эта коротенькая записка целебным бальзамом пролилась на сердце короля. С другом все хорошо, а значит, недалек тот день, когда можно покинуть опостылевший замок то ли союзника, то ли врага.

А вот с последним пора было определяться.

Лорд Риалан, уже вполне оправившийся после болезни,

с привычным недовольством взглянул на короля. Моэраль поморщился: мальчишка слишком уж привык к роли неприкосновенного лорда и начал заигрывать. Пора приводить его в чувство.

– Доброе утро, лорд Смони.

– Разве доброе, милорд?

– Это от вас зависит, Риалан. Хорошие вести: скоро мы покинем ваш замок. Пора решать, что мы оставим после себя: верного союзника... или гниющий труп. Что вы предпочитаете?

– Мы с вами уже говорили на эту тему, лорд Холдстейн, – начал слегка побледневший юноша, но Моэраль его перебил:

– Я вас спросил, милорд, что я оставляю после себя?! У вас, как мне кажется, было достаточно времени, чтобы решить.

Смони побледнел еще больше. Моэраль видел, как задрожал его подбородок, как увлажнились глаза.

– Вы давите на меня, лорд Холдстейн...

– Я не просто лорд, милорд, и вам это прекрасно известно. Или вы назовете меня своим королем или – воля ваша – отправитесь на встречу с палачом! Что скажете?

Тихо, едва слышно, Смони пробормотал:

– Я обязан следовать воле моего отца...

– Хорошо, – кивнул Моэраль. – Ваша казнь состоится через три дня. Измените свое решение – сообщите через слуг.

Снова падал снег. Его огромные пушистые хлопья похо-

дили на белых птиц, по воле богов спустившихся в мир человеческий с высокого неба. Медленно паря, они опускались на землю, скрывая под собой грязь, производимую людскими ногами, копытами коней, колесами телег, нечистоты – обязательных спутников любой более или менее большой армии. Мир под покровом пушистой белизны казался обновленным.

Моэраль скинул капюшон. Этот день напоминал ему другой, вернее, не день, а вечер. Вечер его свадьбы, когда так же тихо, неслышно, опускался на землю снег, и накрывшая все вокруг тишина нарушалась лишь случайными шорохами. Вечер, когда он потерял Рейну. Только тогда в его душе царил раздор, а теперь – совершеннейшее спокойствие. Моэраль окончательно уверился в правильности избранного пути, и теперь, в этот тихий зимний день, не испытывал ни малейшего волнения. Он сам был повелителем своей судьбы, как, впрочем, и тот человек, для которого посреди собственного родового замка возвели эшафот.

В воздухе пахло свежими сосновыми досками и – немного – металлом. По обычаю, оставшемуся с древнейших времен, благородный лорд должен был принимать смерть от старости или от стали. Моэраль не собирался унижать Смони, и того не ждала судьба Ансельма Каллье. Юный Риалан все же не был столь вероломным предателем, чтобы болтаться в веревке с выпущенными кишками. Один из пехотинцев, избранный на этот день палачом, старательно натачивал то-

пор. Кто-то из лордов настаивал, что Смони как благородному надлежит принять смерть от меча, но Моэраль ответил отказом: чернь не умеет владеть клинками, никто из благородных не пожелал принять на себя роль палача, и гораздо легче для Смони будет перенести один точный удар секиры, нежели два-три неловких – меча.

Как бы то ни было, зла Моэраль ему не желал.

Во дворе понемногу начали собираться люди. К королю подошли братья Сольер, но, видя задумчивость его величества, не стали отвлекать разговорами. Подошло несколько вассалов Артейна, среди них – Ульп Тинат, так расположивший к себе Моэраля при первом знакомстве. Лорды тихо переговаривались, и Холдстейн даже догадывался о чем: милорды спорили, хватит ли у молодого Смони отваги пойти на смерть ради Сильвберна.

Очень хотелось верить, что нет.

Похолодало. Когда войска покидали Вантарру зима только-только начиналась. Окончился последний месяц осени, но осенью ту стылую пору можно было назвать очень условно. Впрочем, на севере все давно привыкли, что конец осени становился началом зимы. В месяце начала зимы заметно холодало, в середине зимы стоял трескучий мороз, а месяц конца зимы радовал затяжными снегопадами, оканчивавшимися в лучшем случае в середине месяца начала весны.

«Всего несколько месяцев прошло, – подумал Моэраль. – В начале осени я получил письмо из Сильвхолла. В середи-

не осени принял решение отправляться в Иэраль. В конце осени потерял Рейну. – При этих мыслях стало непереносимо больно, словно в сердце открылась никак не заживающая кровавая рана. – Потом начался поход. Теперь стоит середина зимы, а уже столько всего за плечами... И столько всего впереди».

Непрошенная снежинка опустилась прямо на нос, и Моэраль смахнул ее не глядя. Двор позади него полнился людьми. Пора было начинать.

– Ведите лорда, – приказал Холдстейн палачу, и тот зычным голосом повторил слова короля.

– Ведите лорда!!!

Риалан Смони вышел из замка в сопровождении двух хмурых охранников, не столько охранявших его, сколько помогавших идти. Твердый шаг – вот все, на что хватало самообладания юноши. Идти прямо к плахе у него не получалось: ноги норовили увести то влево, то вправо, и охранники подталкивали милорда в нужном направлении.

Смони был бледен, но его белое лицо, сливавшееся цветом со снегом, выражало суровую решимость.

Глупый щенок.

Моэраль дождался, пока приговоренного заведут на эшафот и поставят рядом с палачом, и только после этого поднялся наверх сам. По привычке, появившейся со времен взятия Каллье, он намеревался произнести речь, и лорды, готовые внимать, прекратили разговоры. Молчала чернь – в

основном слуги Смони, сбившиеся в кучу в углу двора. Изможденная, с черными кругами под глазами, стояла поодаль тетка Риалана. Ее иссушенные руки нервно теребили стремительно превращавшийся в тряпку платочек.

– Милорды! – Голос Моэрала прозвучал несколько утомленно, но, впрочем, это было ожидаемо: в конце концов, он столько раз взывал к этому юнцу, что это и впрямь могло надоесть. – Сегодня на редкость спокойный день. И в этот спокойный день на душе у меня так же спокойно. Милорды, все вы были рядом со мной и помните неистовство, с которым выступили против меня – законного короля этих земель – приречные лорды. Возглавлял их сам лорд Смони, которого более нет в мире живых.

Теперь мы присутствуем при казни сына лорда, продолжившего, к моему великому прискорбию, неугодное богам и вероломное дело отца. Милорд Риалан отказался присягнуть мне на верность, хотя доказательства моего права на престол неоспоримы, и посему я приговариваю его к смерти как изменника и предателя. Но, будучи великодушным и справедливым королем, я даю милорду последний шанс. Смотрите, милорд!

И Моэраль достал из внутреннего кармана камзола ни что иное как завещание Таера. Заинтересованно подалась вперед окружившая эшафот толпа: немногим лордам был дословно известен текст завещания, и ни один из присутствовавших в Речном Приюте не видел самой бумаги. Только

лорду Ирвинделлу да Вардису с матерью показывал Моэраль завещание, но теперь готов был использовать его как аргумент в пользу спора со Смони.

– Читайте, милорд!

Испуганный Риалан отшатнулся, но Холдстейн ткнул ему свитком прямо в лицо.

– Читайте, я сказал! Вслух читайте!

Смони начал. Сначала его голос дрожал, но по мере чтения становился все уверенней и уверенней. Уже со второго предложения его слышали даже в самых последних рядах. Все вокруг погрузилось в молчание, за исключением самого Смони. Казалось, даже природа внимает его словам.

«Я, король Таер Сильвберн, находясь в здравом уме, не уповаю более на милость Богов, не посылающих мне исцеления, чувствуя, что жизнь моя подходит к концу, и не желая оставлять королевство мое на волю случая, осознавая, что единственный наследник престола, кровь от крови моей, плоть от плоти моей, не обладает необходимыми качествами, приличествующими каждому королю, прихожу к терзающему сердце мое решению и беру на себя властью, данной мне богами, право избрать себе достойного приемника. Сим я отстраняю сына моего, Линеля Сильвберна, от наследования мне и волей моей вручаю престол лорду Моэралу Холдстейну, моему названному возлюбленному племяннику. Велю всем лордам моих земель: будь то лорды-вассалы, либо лорды-наместники, всем горожанам и крестьянам, всем

подданным нашим присягнуть на верность сему законному королю. Подпись».

– Вы присягнете на верность законному королю или по-прежнему поддержите узурпатора Сильвберна, милорд? – спросил Холдстейн.

– Я во всем последую воле моего отца, – едва слышно пробормотал Смони.

«Дурак!» – с тоской подумал Моэраль и, покачав головой, стал спускаться с эшафота. Вспомнил, что не отдал приказа о казни, повернулся к палачу вполоборота и приказал:

– Приступай.

И в этот момент его руки осторожно коснулся юный Льесс – герольд. В руке юноша держал туго скрученный свиток, перевязанный бечевой. По оттиску печати – печати, не принадлежавшей ни одному из родов – Моэраль мгновенно понял, от кого пришло послание.

– Только что с голубем прибыло, милорд... птица едва долетела, замерзла вся, да ранена к тому же. Кто-то крепко ее потрепал, спасибо, что до замка дотянула...

Моэраль не слушал паренька. Отрешенно похлопал его по плечу, отпуская, пальцами смял печать. Она хрупнула, распавшись.

Позади, на эшафоте, палач бережно поставил лорда Смони на колени.

Убористый почерк, давно знакомый Моэралю, совсем немного времени нужно, чтобы пробежать глазами коро-

тенькое письмо. Но глаза, предательские глаза зацепились взглядом за знакомое имя... и король буквально провалился в небытие.

«Ваше Величество!

Я вновь рискую, направляя Вам это послание, и рискую во сто крат сильнее, чем прежде, ибо Тайная Служба узурпатора не дремлет. Ее прислужники повсюду – и во дворце, и в городе. Байярд Зольтуст отправляет их во все уголки страны, и кто знает, быть может, это письмо не дойдет до Вас, а за мной придут королевские стражники.

Не важно. Я пишу это письмо из-за вестей, которые не могут ждать, и о которых Вам никто кроме меня не доложит. Я знаю, Ваше Величество, что у Вас тоже есть соглядатаи в королевских землях, и они донесут Вам, если уже не донесли, что Линель Сильвберн лично направился с войском навстречу Вам.

Я пишу не для того, чтобы сообщить эту весть, зная своеволие узурпатора ничего удивительного в ней нет. Он одержим идеей лично сокрушить Вашу Милость.

Дело в другом.

Милорд, мне неловко, ибо я вторгаюсь в сферу Ваших личных отношений с одной особой, но в этой сфере вертится вопрос государственной важности. Я имею в виду леди Артейн, милорд».

Сердце пропустило удар. Рейна, милая Рейна, как мало было известно ему о ее судьбе!

Узнав, что она попала в лапы Сильвберна из-за вероломства подонка Каллье, Моэраль изнемогал. Он был близок к отчаянью, близок к тому, чтобы написать Линелю письмо, в нем униженно молить, чтоб любимой женщине не чинили вреда...

Одумался. Таким письмом он бы причинил ей больше зла, а Сильвберну дал бы в руки оружие против себя. Поэтому он лишь маялся от неизвестности долгими ночами, гадая, как она, как ей в этом далеком серебряном городе, в окружении врагов...

Теперь он знал, как.

За заднем плане слышались рыдания.

– Не надо, нет! – кричал знакомый голос, голос человека, с которым он говорил ежедневно на протяжении недели. – Нет!!! Я отрекаюсь, от всего отрекаюсь, пожалуйста, нет!!!

Моэраль читал.

«Мое послание несколько запоздает, ибо я пишу о событии, случившемся пару недель назад. Когда до Сильвхолла дошла весть о гибели в Каллье лорда Артейна, Сильвберн отпустил на волю жену лорда, а леди Рейну как наследницу Клыка выдал замуж за Фадрика Молдлейта. В утешение Вам могу сказать лишь, что леди без радости шла к алтарю».

Моэраль побледнел. Стало трудно дышать. Эстан Сольер подошел к нему вплотную, стараясь привлечь внимание короля к происходящему на эшафоте, но Моэраль его не увидел. Сердце у него в груди билось то часто, то редко бухало

где-то в горле. Строчки письма расползались в разные стороны, как черви.

Усилием воли он заставлял себя читать дальше.

«Леди Рейна вступила в род Молдлейт, и подлый Линель поспешил этим воспользоваться. Под давлением узурпатора и его супруги леди написала указы, числом пять, в которых приказала своим людям обратить оружие против Вас. Мои люди перехватили их, милорд, все пять, и один из них я прилагаю к этому письму...»

Больше Моэраль читать не мог. Поспешно развернув указ, сложенный несколько раз и запаянный королевской печатью, он вглядывался в неровные строчки, выведенные родной рукой. Было видно: пальцы, державшие перо, дрожали, и Моэраль дал себе клятву кровью умыть того, кто заставил их дрожать.

Что она думала, когда писала это? Понимала ли, что север ее не осудит, поймет ее вынужденное отречение? Или думала, что навеки станет изгоем в Артейне? Бедная Рейна!

«Рейна Молдлейт». – Стояла подпись внизу.

И вдруг Моэраль все понял. Это понимание навалилось на него сугробом, и многого ему стоило устоять на месте, не рухнуть подкошенным, когда внезапно ослабели ноги.

Этот ублюдочный Линель отдал ее замуж. Отдал ее замуж... за калеку.

В мире не стало более ненавидимого человека, чем Фадрик Молдлейт.

– Ваше Величество!!! – пронзительный крик вырвал Морэра из небытия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.